

Рампа

Годъ изданія первый. № 14.
Воскресенье, 23-го ноября.

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАЕТСЯ
ВЪ МОСКВѢ.

РАМПА

ИЗДАЕТСЯ
ВЪ МОСКВѢ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

„Рампа“ ставитъ своей задачей обслуживаніе интересовъ русскаго театра, какъ съ эстетически-художественной, такъ и бытовой стороны, кладя въ основу съ одной стороны завѣты лучшихъ представителей русской художественной мысли, съ другой—текущіе интересы актерской семьи.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Т. Ардовъ, М. Н. Архангельскій, Н. Бассъ, И. Барышовъ (Мясницкій), Е. Берлинраутъ, Э. Бескинъ, Г. Бурдь-Восходовъ, проф. Л. Владиміровъ, А. Воротниковъ, Д. Гаринъ-Виддингъ, О. Гзовская, В. Гиляровскій, Э. Гольденвейзеръ (Нью-Йоркъ), Г. Гольдштейнъ (Pierre d'Or—завѣдующій художественнымъ отдѣломъ), М. Гиршманъ (Берлинъ), А. Дервишъ, В. Ермиловъ, Н. А. Ефрейторовъ (Ярославль), П. Звѣздичъ (Вѣна), Е. П. Карповъ, А. Косоротовъ (Шмель), Лознгринъ (Одесса), Я. Львовъ, С. С. Мамонтовъ, Э. Маттернъ, Р. Менделевичъ, Л. Мунштейнъ (Lolo), П. Морочникъ, С. А. Найденовъ, Вл. Немировичъ-Данченко, Вас. Немировичъ-Данченко, В. Никулинъ, О. Норвежскій, П. Оленинъ, Е. Питоевъ (Парижъ), И. Платонъ, А. Плещеевъ, А. Полевой, И. Поповъ, Н. А. Погровъ, М. Пуаре, С. Разумовскій, А. Сабуровъ (Парижъ), Я. Сацъ, П. Сергѣенко, Скиталецъ Яковлевъ, П. Скуратовъ, М. Суненниковъ, А. Сулержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ-Южинъ, А. Тези (Вѣна), Э. Фельдзеръ, В. Хавнинъ (Ростовъ-на-Дону), И. Шмитъ (Рудинъ), М. Шикъ, М. Эйшикинъ (Кіевъ), С. Яблоновскій, Яновъ и друг.

Считая одной изъ важнѣйшихъ задачъ своей программы послыльную помощь въ дѣлѣ развитія провинціального театра, редакція привлекла къ обслуживанію этого отдѣла, въ качествѣ постоянныхъ корреспондентовъ, представителей мѣстной провинціальной печати.

Новыя постановки и выдающіеся моменты театральной жизни, какъ русской, такъ и иностранной, найдутъ себѣ мѣсто въ журналѣ въ видѣ фотографій и рисунковъ нашихъ художниковъ.

Въ крупнѣйшихъ центрахъ Европы „Рампа“ имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

Подписная цѣна: годъ—6 р., полгода—3 р., 3 мѣсяца—1 р. 50 к., мѣс. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера—15 копѣекъ.

Подписная цѣна съ 31-го августа по 1-е января 1909 г.—2 р. 50 к.

Объявленія: впереди текста—75 к., позади—50 к. со строки петита.

Главная контора и редакція: Москва, Мясницкая, д. насл. Янановыхъ.

Кромѣ Москвы розничная продажа „Рампы“ производится: въ Петербургѣ—Невскій пассажъ, кіоскъ Кузьмина; въ Кіевѣ—у Леона Пизиковскаго, Крещатикъ; въ Одессѣ—у Э. Альтшулера, Дерибасовская.

Редакторы-издатели: { Л. Т. Мунштейнъ (Lolo).
Э. М. Бескинъ.

МОСКОВСКИЙ НѢМЕЦКИЙ КЛУБЪ.

Въ воскресенье, 23-го ноября, 1908 года
Десятый Семейный Вечеръ.

Труппою драматическихъ артистовъ клуба представлено будетъ:
Драма въ 5 дѣйствіяхъ **ГРОЗА.** А. Н. Островскаго.

Начало ровно въ 8 час. вечера.

По окончаніи **ТАНЦЫ** до 3-хъ ч. ночи.

Дирижеръ танцевъ В. Д. Мухинъ.

Оркестръ Александровскаго военнаго училища.

Театръ „ЭРМИТАЖЪ“

(Каретный рядъ. Телефонъ 13—96).

ВЕСЕЛЫЙ ЖАНРЪ КОМЕДИЯ-ФАРСЪ **С. В. САБУРОВА.**
ОБОЗРѢНІЕ

23-го ноября: 1) „Славныя дѣвочки“ фарсъ въ 3 д. —
2) „Амалия... и такъ далѣе“, фарсъ въ 3 д.

Наши среды. Въ среду 26-го ноября.

Бенефисъ Г. И. МАРТЫНОВОЙ:

1) „ЧТО ЛЮБЯТЪ ЖЕНЩИНЫ“
и 2) „ГЕНЕРАЛЬША МАТРЕНА“. Касса откр. съ 11 ч. утра.

25-го ноября
1908 года

ВЪ ЗАЛѢ ЖЕНСКАГО КЛУБА

(Гагаринскій пер.,
домъ Маслова).

ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА

публичная лекція Т. Ардова

„СИННЯЯ ПТИЦА“, КАКЪ ТЕОСОФИЧЕСКАЯ ПЬЕСА.

Билеты продаются въ книжномъ магазинѣ „СОТРУДНИКЪ ПРОВИНЦІИ“
(уголъ Бронной и Тверскаго бульвара).

Цѣна билетамъ отъ 35 копѣекъ до 1 рубля.

**ОДОБРЕНЪ ЛЕЙБЪ-АК. ПРОФ.
Д. ОТТЬ,**
ОСОБЕННО ДЛЯ СЛАБЫХЪ, БОЛЬНЫХЪ И
ВЫЗДРАВЛИВАЮЩИХЪ.

ПОРТВЕЙНЪ №1
ВПОЛНѢ НАТУРАЛЕНЪ
МЯГКАГО ВКУСА.

ПРОДАЕТСЯ
ВЕЗДѢ.

ТОРГ. ДОМА

ИВАНА

СМИРНОВА С-ВЪЯ

МОСКВА, ВАРВАРКА.

Выдержка изъ анализа проф. Пеля въ С.-Петербургѣ за № 70415: портвейнъ №1 представляетъ собою натуральное вино безъ примѣси тростниковаго сахара, декстрина, салициловой кислоты и другихъ какихъ-либо консервирующихъ и вредныхъ для здоровья веществъ.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА И ОПЕРЕТТА
РЕПЕРТУАРЪ.

Въ Воскресенье 23 ноября.

Утромъ: „ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА“

Вечеромъ:

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА.

Понедѣльникъ 24 ноября.

„ФРИНА“.

Вторникъ 25 ноября.

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА.

Среда 26 ноября.

„КОРНЕВИЛЬСКІЕ КОЛОКОЛА“.

Четвергъ 27 ноября.

„НОЧЬ ЛЮБВИ“.

Пятница 28 ноября.

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА.

Суббота 29 ноября.

ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ ВЪ ЛИЦАХЪ

— и —

БАЛЪ-МАСКАРАДЪ.

По окончаніи въ Зеркальномъ залѣ
КОНЦЕРТЪ GALA.

Изданіе журнала „Рампа“.

РЕПЕРТУАРНАЯ НОВИНКА ПРЕДСТОЯЩАГО
ЗИМНЯГО СЕЗОНА

„ДУРАКЪ“.

Ком. въ 4-хъ д. Людвигъ Фульда.
Пер. съ нѣмецкаго Э. М. Бескина
и Ф. Р. Къ представленію дозво-
лена 3-го іюля 1908 г. № 6441.

— Цѣна 2 руб. —

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, Мясницкая, д. № 20, редак-
ція журн. „Рампа“, при типографіи
Московского т-ва Н. Л. Казецкаго.

Сенсаціонная новинка Берлинска-
го „Kleines Theater“,

„2x2=5“

комедія-сатира въ 4 дѣйствіяхъ
Густава Вида, переводъ Л. Мун-
штейна (Lolo) и Э. М. Бескина. Къ
представленію дозволена 23 апрѣ-
ля 1908 г. № 4212. Въ этомъ пере-
водѣ пьеса включена въ репер-
туаръ театра Корша 1908—1909 г.

Цѣна 2 рубля.

Съ требованіями обращаться: Мос-
ква, Георгіевскій пер., театральная
библіотека С. О. Разсохина.

Рампа

№ 14.

Красивыя слова.—О Маломъ театрѣ. Н. В—ская.—Печать.—Очередной режиссеръ. (Окончаніе). Разсказъ И. Платона.—Альбомъ «Рампы». Словарь сценическихъ дѣятелей. Lolo.—Муфта (монологъ) Екатерины Экз.—Москва.—Никишъ и Большой театръ. Ник. Курова.—Экзаменъ въ Филармоніи Я. Львова.—Историческіе концерты. М.—Театръ «Буффъ». Р. Р.—Письмо въ редакцію.—Петербургъ.—Петербургскія письма. Шмеля.—Клочки актерскихъ воспоминаній. Вл. Гуляровскаго.—Русская выставка въ Вѣнѣ. Ольшина.—За рубежомъ.—Провинція.

Рисунки и снимки: Миссъ Лили Эльси.—«Пелеасъ и Мелисанда» на сценѣ Берлинской комической оперы.—Комедія Шенгера «Земля» на сценѣ Гебель-Театра въ Берлинѣ.

Шаржи и карикатуры: Брагинъ въ роли «Демона».—С. Сабуровъ.—Г-жа Грановская.—Въ нѣмецкой школѣ драматическаго искусства.—«Корневильскіе колокола» въ театрѣ «Буффъ».—Н. Н. Баженовъ.

Москва.

О Маломъ театрѣ.

Петербургскій союзъ драматическихъ писателей официально высказался за **Красивыя слова**, охрану авторскихъ правъ при переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Намъ уже неоднократно приходилось писать на эту тему и мы всегда выступали защитниками свободы перевода, хотя-бы и во вредъ отвлеченно-юридическому принципу справедливости. Мы указывали на то, что пока Россія больше ввозитъ иностранной литературы, чѣмъ вывозитъ своей, что репертуаръ русскаго театра сегодняшняго дня состоитъ на три четверти изъ переводовъ. Создать какія-бы то ни было затрудненія въ обращеніи этого переводнаго матеріала, значило-бы поставить театръ,—особенно провинціальный,—прямо въ безвыходное положеніе. Мы указывали и на то, что только крупные театры сумѣютъ стать собственниками интересной переводной литературы, указывали и на то, что качество переводовъ въ рукахъ ловкихъ монополистовъ не улучшится, а ухудшится, хотя de jure, конечно, признаемъ право автора оригинала распоряжаться и переводомъ. Но—теорія одно, а жизнь—другое. И то, что подчасъ «звучитъ очень гордо» въ теоріи, увѣ, непримѣнимо, не укладывается въ ухабистую колею жизни.

Насъ тѣмъ болѣе поражаетъ рѣшеніе «союза», что въ контингентѣ членовъ его большинство именно переводчиковъ, для которыхъ вопросъ о присоединеніи къ конвенціи вопросъ прямо жизненный. Мы любимъ играть красивыми фразами, любимъ позировать въ плащѣ гордыхъ теорій, и любовь эта, надо полагать, сыграла не послѣднюю роль и въ рѣшеніи «союза».

Кн. А. И. Сумбатовъ назначенъ управляющимъ труппою Императорскаго Малаго театра. Радоваться-ли друзьямъ драматическаго искусства? О кн. Сумбатовѣ двухъ мнѣній быть не можетъ. Вся его дѣятельность прошла въ Москвѣ. Всѣ знаютъ, что это широко-образованный и горячо преданный дѣлу человекъ, что онъ извѣстный драматическій писатель и что самъ онъ, кромѣ того, умный и талантливый артистъ. Дѣло, за которое онъ теперь берется, хорошо ему знакомо. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ о полномочіяхъ управляющаго труппою было рѣшено, что все будетъ объединено въ его липѣ: и составленіе репертуара, и распредѣленіе ролей, и составленіе плана труппы, то-есть приглашеніе, увольненіе или уменьшеніе труппы и т. п. Въ помощь управляющему труппою будетъ образованъ особый совѣтъ. Такимъ образомъ можетъ казаться, что для развитія дѣятельности Малаго театра налаживаются, какъ будто, благопріятныя условія. Самъ А. И. Южинъ полонъ надеждъ и хотя оговаривается, что не ждетъ немедленнаго возрожденія, или обновленія театра, но все-же высказываетъ твердую увѣренность, что при непрерывной дружной работѣ Малый театръ займетъ подобающее мѣсто въ культурной жизни Москвы.

Всѣ эти утѣшительныя свѣдѣнія прочли мы въ интервью московскихъ газетъ. Всякому могло-бы показаться, что дирекція Императорскихъ театровъ, всесторонне обсудивъ всѣ перипетіи, которыя переживались нашими драматическими труппами въ Москвѣ и Петербургѣ, выработала наконецъ такую организацію дѣла, которая наилучшимъ образомъ обезпечитъ его успѣхъ въ ближайшемъ будущемъ. Поэтому особенно удивительнымъ можетъ представиться то, что рядомъ съ оптимизмомъ кн. А. И. въ рѣчахъ директора Императорскихъ театровъ слышится, наоборотъ, какъ-бы пессимистическое настроеніе. Въ московскихъ же газетахъ помѣщено интервью В. А. Теляковскаго съ корреспондентомъ газеты по поводу увольненія завѣдующаго репертуарною частью въ Александринскомъ театрѣ П. П. Гнѣдича. Въ томъ, что говорилъ—если вѣрить корреспонденту—директоръ театровъ, нѣтъ увѣренности, нѣтъ определенности, а скорѣе замѣтно сомнѣніе въ разныхъ мѣрахъ, которыя могли-бы поднять театральное дѣло. «Въ Москвѣ намъ пришлось», сказалъ директоръ «перепробовать всѣ виды управленія Малымъ театромъ. Былъ и главный режиссеръ, была коллегія, былъ большой совѣтъ артистовъ, былъ малый совѣтъ. Назначались начальники репертуара, потомъ завѣдующіе труппой, и вотъ наконецъ теперь

Мисс Лили Эльси,

исполнительница «Веселой вдовы» в Лондонѣ.

передано дѣло завѣдыванія Малымъ театромъ г. Южину...»

Если такое рѣшеніе вопроса признано нынѣ наилучшимъ, то казалось-бы, что такъ-же нужно рѣшить дѣло и въ Петербургѣ. А между тѣмъ директоръ театровъ говоритъ: «что будетъ съ Александринскимъ театромъ, не знаю. Первое время будемъ обходиться безъ начальника репертуара». Помогать директору будетъ какой-то временный комитетъ. Изъ этого какъ будто выходитъ, что самъ г. директоръ театровъ не совсѣмъ увѣренъ въ целесообразности тѣхъ мѣръ, которые только что приняты относительно Московскаго Малаго театра. Трудно догадаться, чѣмъ вызваны сомнѣнія директора. Намъ-же думается, что нужно пожелать кн. Сумбатову полного успѣха въ его благихъ начинаніяхъ, но что и въ новой организаціи дѣла виднѣется черная точка. Съ одной стороны новый управляющій труппою Малаго театра съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчаетъ, что въ его рукахъ будутъ объединены тѣ обязанности, которыя прежде раздѣлялись между завѣдующимъ репертуаромъ и главнымъ режиссеромъ, но дальше онъ говоритъ о томъ, что управляющій труппою будетъ «въ общемъ порядкѣ службы» подчиненъ мѣстному управляющему театральной конторой, являющемуся представителемъ директора Императорскихъ театровъ, а затѣмъ выясняется еще и то, что *фактически всѣми дѣлами у насъ въѣдаетъ управляющій конторою*. Этого послѣдняго порядка измѣнить, очевидно, невозможно, а потому и естественно, что какихъ видовъ управленія не перепробовали, дѣло по существу остается въ томъ-же положеніи. И это потому, что казенное управленіе театрами подобно всѣмъ другимъ казеннымъ управленіемъ, какой-бы области они ни касались. Для правильного и строгаго веденія дѣлъ въ управленіяхъ вообще нужна извѣстная формальность, нужны нѣсколько инстанцій со строгимъ разграниченіемъ ихъ относительной сферы компетентности. Въ казенныхъ управленіяхъ дѣло поставлено такъ (и должно быть такъ поставлено), что нельзя рубля истратить безъ предварительнаго на то разрѣшенія подлежащей власти. Въ театральномъ дѣлѣ все это является путями. Чтобы успѣшно вести театръ къ осуществленію ху-

дожественныхъ идеаловъ, нужно быть полнымъ хозяиномъ дѣла. Сценическое искусство слишкомъ живое дѣло. Если внезапно возникающіе, но тѣмъ не менѣе крайне важные вопросы нужно выяснять перепискою, въ которой къ тому-же весьма нерѣдко участвуютъ двѣ инстанціи, московская и петербургская, то дѣло успѣшно итти не можетъ. Всякій, знакомый съ веденіемъ дѣла въ нашихъ казенныхъ театрахъ, хорошо знаетъ, до какой степени всякій режиссеръ стѣсненъ, порою даже парализованъ въ своихъ начинаніяхъ.

Намъ думается, что если нельзя кореннымъ образомъ измѣнить общаго порядка управленія Императорскими театрами, то частичныя измѣненія пользы не принесутъ. На вопросъ, что-же дѣлать, отвѣчать чрезвычайно трудно. Быть можетъ, выходъ изъ труднаго положенія нашелся-бы въ томъ случаѣ, если-бы признано было возможнымъ сдать Малый театръ въ долгосрочную аренду...

Мысль эта многимъ покажется утопическою, совершенно несбыточною, а иные, пожалуй, найдутъ ее чудовищною и ни въ какомъ случаѣ неосуществимою. Дѣйствительно, такое коренное измѣненіе въ порядкѣ веденія театрального дѣла затронуло-бы интересы множества лицъ, состоящихъ на службѣ Императорскихъ театровъ, заставило-бы придумать разрѣшеніе множество вопросовъ, которые неизбежно при этомъ-бы возникли, но намъ думается, что рано, или поздно почувствуется необходимость рѣшиться на что-нибудь подобное тому, что мы теперь выставляемъ въ видѣ предположенія. Мы не предлагаемъ готоваго рѣшенія, а высказываемъ только мысль, приступить къ осуществленію которой можно только въ будущемъ, послѣ зрѣлаго и детальнаго обсужденія всѣхъ условій, въ которыхъ находится у насъ театральное дѣло. Быть можетъ—если только когда-либо высказанная нами нынѣ мысль подвергнется разсмотрѣнію—окажется, что для веденія по художественному пути Малаго театра и развитія его дальнѣйшей дѣятельности придется не аренду за него получать, а наоборотъ давать правительственную субсидію; быть-можетъ окажется лучшимъ сдать театр не лицу, а какому-нибудь солидному товариществу... Но это все детали; сущность-же состоитъ въ томъ, чтобы во главѣ дѣла стояло ответственное лицо, которое было-бы совершенно свободно въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по управленію театромъ.

Н. В—ій.

Печать.

Амфитеатровъ посвятилъ въ «Од. Н.» обширный фельетонъ извѣстному декоратору одесскаго театра А. Н. Реджіо, недавно скончавшемуся.

Биографія Реджіо интересна, между прочимъ, его участіемъ въ знаменитомъ, солнцевскомъ, процессѣ фальшивомонетчиковъ.

Отбывъ наказаніе, онъ много лѣтъ прожилъ за границею добровольнымъ изгоемъ, обитательянился, смѣнилъ свое родовое имя Беклемишева на итальянскую фамилію Реджіо и, возвратясь на старости лѣтъ въ Россію, началъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ новую трудовую жизнь, будто второй разъ родился.

Приключенія Реджіо,—вспоминаетъ Амфитеатровъ,—т. е. вѣрнѣе сказать, преступленіе и процессъ, въ которомъ онъ погибъ, изображены покойнымъ Данилевскимъ въ романѣ «Новыя мѣста». Но подъ какою фамиліей выведенъ тамъ Александръ Николаевичъ, не помню, а сочиненій Данилевскаго, чтобы справиться, не имѣю подъ рукою. О степени участія Александра Николаевича въ предпріятіяхъ Солнцева и К^о говорили разнo. Но всѣ въ одинъ голосъ подтверждали, что онъ былъ скорѣе жертвою, чѣмъ преступникомъ. Помню, между прочимъ, такую версію: будто Солнцевъ держалъ съ Александромъ Николаевичемъ пари, что ему ни за что не удастся срисовать и перевести на литографическій камень сто-рублевый государственный билетъ или серію—не помню хорошо, что именно; Александръ Николаевичъ, затронутый за живое въ художническомъ самолюбіи своемъ, пари принялъ и работу исполнилъ великолѣпно. Солнцевъ въ восторгѣ, обнимаетъ его и проситъ:

— Подари мнѣ камень на память.

Александръ Николаевичъ, не подозрѣвая въ пріятелѣ преступника, охотно соглашается:

— Пожалуйста, сдѣлай одолженіе, возьми..

Солнцевъ же предательски обманулъ довѣрчиваго друга и воспользовался камнемъ для печатанія фальшивыхъ денегъ.

Фельетонъ „Рампы“.

ОЧЕРЕДНОЙ РЕЖИССЕРЪ.

РАЗСКАЗЪ

И. Платона.

(Окончаніе *).

Къ августу теща прибавила еще десять рублей, (у Пушкина была своя такая-же рента), и счастливая парочка двинулась въ столицу устанавливать свой монолитъ.

— Пушечъ милый, Пушечъ сладкій, — ворковала женка, кутая худенькія плечики въ коротенькую бѣлую бурку.—Какъ хорошо... какіе дома, какія церкви...

— Да, это, братъ, не то, что у насъ...

Третій курсъ пролетѣлъ незамѣтно. Михаилъ Ивановичъ торопился со спектаклями. Постомъ предподнесъ публикѣ своихъ питомцевъ. Раза три назначалъ Пушкинъ свои репетиціи, но почти никто не являлся. Приходилось за отсутствующихъ репетировать самому и въ общемъ дѣло съ «Волчьими зубами» осталось на томъ же мѣстѣ, если не считать, что послѣ одного спектакля въ Художественномъ театрѣ mise-en-scène третьяго акта была передѣлана настолько «ново», что даже Юлинка замѣтила:

— А не очень-ли это смѣло, Пушечъ?..

У всѣхъ были иныя заботы.

Бюро, антреприза, «на сколько кончили», зима, лѣто...

Только объ этомъ и говорили.

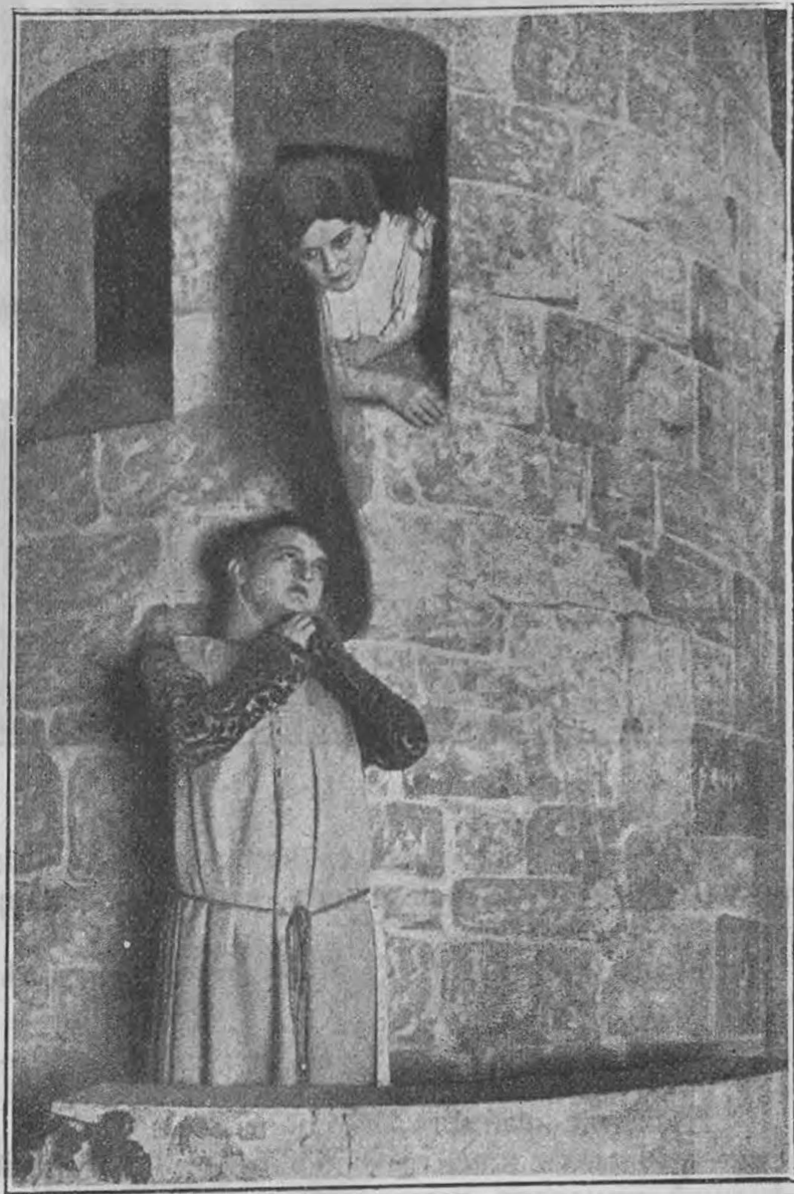
Пушковъ унывалъ. Но подъ Благовѣщенье запыхавшійся Кожевниковъ принесъ ему приглашеніе на лѣто... На маленькое, но «чистенькое» дѣльце.

— Мелкія роли и очередное режиссерство...

— Наконецъ-то...

— И очередное режиссерство, пойми! Главное! Ыдемъ товариществомъ... Только чтобы прожить... Спектакли разъ въ недѣлю и по праздникамъ... Изъ нашихъ ѣдутъ еще...

„Пелеасъ и Мелисанда“ на сценѣ Берлинской комической оперы.

Сцена у башни.

Онъ назвалъ двухъ.

— Именно очередное... Режиссировать всѣ пьесы я бы не взялся, мало у меня было практики, а очередное—это именно то, къ чему я стремился...

— Конечно, конечно,—кипѣлъ Кожевниковъ.

— А могу я тамъ поставить..

— «Волчьи зубы?» Жаждутъ. Ты развернешься, покажешь свой талантъ... Ыдетъ бывшій сотрудникъ Художественнаго театра Пирамидинъ, думаемъ поставить «Бранда»... Ну, Пушечъ?

Дѣло кончили въ два слова.

Юлинку Пушкинъ отвезъ къ тещѣ. Бѣленькая бурка запахивалась съ трудомъ, нуженъ былъ уходъ и опытный родной глазъ.

— Въ половинѣ апрѣля на мѣстѣ,—неотвязно звучали въ ушахъ слова Пирамидина.

Открытки были уложены въ особый чемоданчикъ, Юлинка перекрестила милаго и сладкаго Пушца.

— Пи... пи... пу...—донеслось до его ушей, когда поѣздъ тронулся.

«Пиши, Пушечъ»,—должны были обозначать эти звуки.

Пушковъ летѣлъ на встрѣчу дѣлу, на встрѣчу славы.

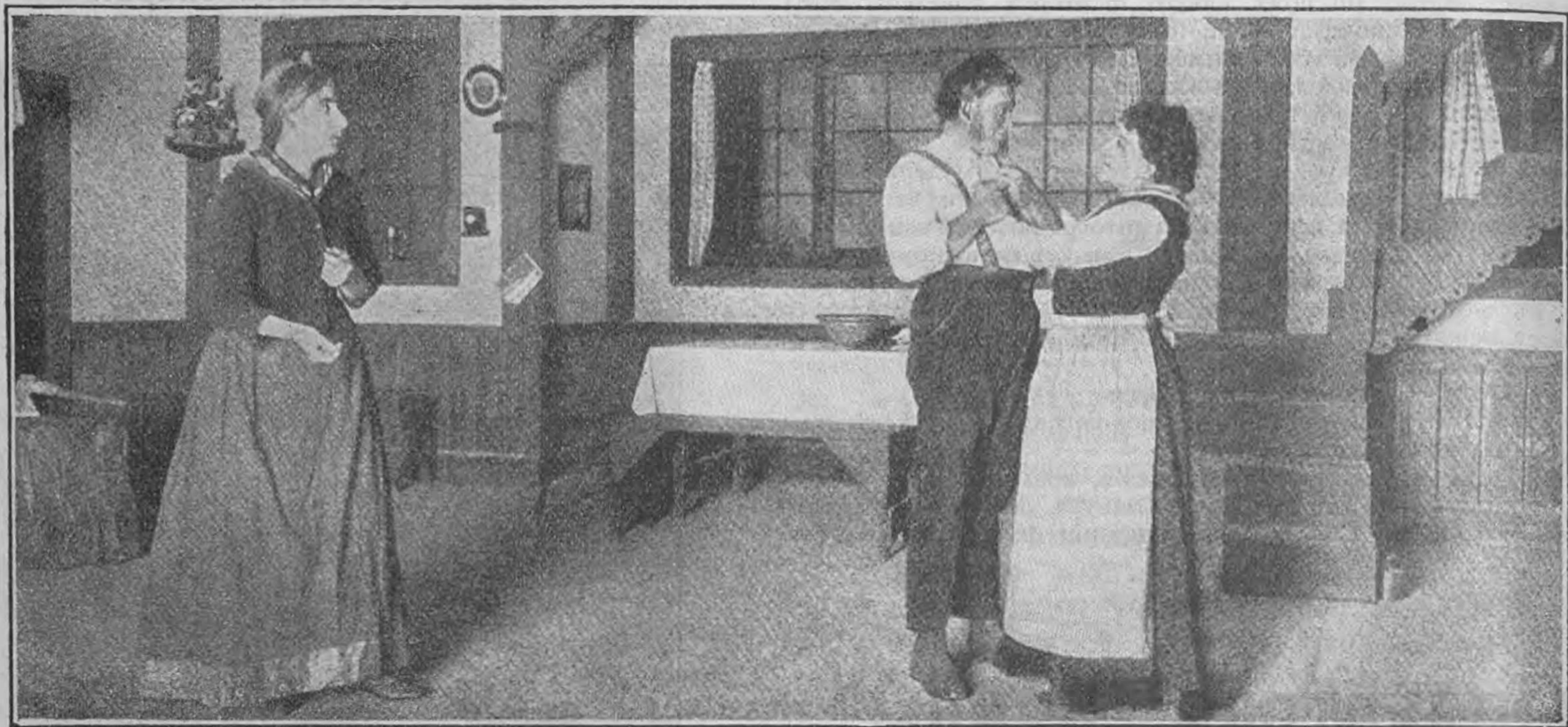
«Подкамышки» называлось мѣстечко, куда пріѣхалъ Пушкинъ класть свой первый камень.

Крошечный городишко, весь утонувшій въ зелени. Увидѣлъ Пушкинъ сцену въ клубномъ залѣ и у него упала душа.

— Коробка какая-то... 6 на 8 аршинъ.. Какъ же третья комната? Господи!..

*) См. №№ «Рампы» 6-й и 7-ой.

Комедія Шенгера „Земля“ на сценѣ Гебель-Театра въ Берлинѣ.

— А ты что-же ожидалъ здѣсь найти? Вращающуюся сцену?—спросилъ его дѣловитый Пирамидинъ.

Пушковъ упалъ духомъ и опять мысли побѣжали въ разныя стороны.

— Какъ то я осуществляю свой замыселъ... Кто меня пойметъ?..

— Публика пойметъ, публика у насъ все пойметъ—утѣшалъ какъ то особенно полюбившій его мѣстный меценатъ, галантерейщикъ Лазарь Каяловъ.

Каяловъ зналъ дѣло. Каяловъ любилъ искусство, правда больше склонялся къ хореографическому. У него былъ чудный восточный кабинетъ, подлинная пантикопейская ваза съ хороводомъ вакханокъ, подарокъ таганрогскаго пріятеля-грека, и портретъ А. Дунканъ въ дубовой рамѣ. Каяловъ любилъ артистовъ и артистокъ и всегда цитировалъ Саади.

— Другъ, запасайся на каждую новую весну и новой женой, потому что прошлогодній календарь не годится для новаго года,—говаривалъ онъ, бывало, Пушкиву, когда тотъ грустилъ о женѣ.

Жили актеры общиной, всѣ въ одной квартирѣ. Женщины понедѣльно вели хозяйство, мужчины къ вечеру уходили въ клубъ играть на билліардѣ и въ кегли. Репетировали только по утрамъ.

Пушковъ чувствовалъ себя дурно. Изъ дому каждый день приходили объемистыя письма Юлиньки, написанныя фіолетовыми чернилами. Она падала духомъ. Падаль духомъ и Пушкивъ.

Напрасно Каяловъ старался развлечь Пушкива, устраивалъ пикники, два раза поилъ его до пьяна. Пушкивъ съ каждымъ днемъ дѣлался все молчаливѣе.

Въ іюнѣ дошла очередь до Пушкива и онъ принялся за постановку «Волчьихъ зубовъ».

Въ первый день прошли одинъ первый актъ. Сцену экспозиціи—огромный разговоръ на бульварѣ въ два лица—нужно было какъ-нибудь оживить. Пушкивъ посадилъ актеровъ на скамейку спиной къ публикѣ. Нужно было переменить положеніе, но не банальнымъ переходомъ на противоположную скамейку, а мотивированнымъ.

У Пушкива была приготовлена ремарка: «Солнце начинало припекать, дѣйствующіе сдвигались къ одной сторонѣ и, спасаясь отъ солнца, переходили на другую скамейку въ тѣнь».

Кажется ясно. Но при керасиновыхъ лампахъ эффектъ былъ немислимъ. Пирамидинъ предлагалъ пропустить по сценѣ торговца со спичками или папиросами, Кожевниковъ убѣждалъ, что самое лучшее пустить по тонкой всрежкѣ собаку. Одинъ изъ дѣйствующихъ приметъ ее за бѣшенную и отбѣжитъ на другую сторону. Но веревка.. мѣшала веревка... И потомъ пойдетъ-ли собака? Рѣшили пустить поливальщика съ лейкой. Неосторожнымъ движеніемъ онъ обливаетъ скамейку и, волей-неволей, для продолженія разговора дѣйствующимъ приходится искать другое мѣсто.

Пушковъ былъ недоволенъ тономъ няньки-Подгорской и убѣждалъ Кожевникова играть женскую роль.

Предложеніе вызвало бурю протестовъ и въ 3 часа репетицію прекратили.

Къ вечеру Пушкивъ получилъ отъ Юлиньки письмо сплошь въ фіолетовыхъ пятнахъ... Ночью онъ рѣшилъ начать экспозицію лицомъ къ публикѣ, а кончить спиной, а для Подгорской поставить еще одну скамейку банально на авансценѣ. Ей, изволите ли видѣть, было все неудобно.

На другой день дѣло пошло еще хуже. Пьеса совершенно не нравилась актерамъ. Пошли разговоры, зачѣмъ ставить завѣдомую дрянь. Глубины, открытыя въ пьесѣ Пушкивымъ, вызывали улыбки. Mise-en-scène не ладилась, вмѣсто предположенной амфилады комнатъ, былъ крошечный ящикъ, въ которомъ толпились въ одно время девять дѣйствующихъ лицъ. Пушкивъ раскраснѣлся и вытиралъ мокрымъ платкомъ катившійся градомъ потъ.

— Позвольте, позвольте, господа,—уговаривалъ онъ товарищей: давайте повторимъ еще съ третьяго явленія.

Повторяли... опять не ладилось. Пирамидину приходилось говорить такъ, чтобы не слышали другіе, въ глубинѣ сцены. Кожевникову было тоже неудобно.

На второмъ актѣ покончили.

Весь день шелъ дождь. Подкамышки потонули въ грязи.

Пушковъ сидѣлъ въ «общей» и заново штудировалъ «Волчьихъ зубовъ».

— Ну хорошо,—приговаривалъ онъ, стирая резинкой прежнія замѣтки на поляхъ: Арсеній здѣсь, Дуня переходитъ къ нему при этихъ словахъ...

Пирамидинъ всю эту тираду произносить слѣва, Кожевниковъ пусть войдетъ съ перваго плана...

А какъ же Калининъ? Вѣдь на первомъ планѣ долженъ быть Калининъ?.. Значить, всю послѣднюю любовную сцену придется вести у двери?.. Нелѣпо!..

Пушковъ опускалъ карандашъ и глядѣлъ на рогатое пламя лампы... Мысли, точно фосфорическіе огоньки, вспыхивали въ разныхъ углахъ комнаты, а въ головѣ было совершенно пусто.

— Если позаимствовать у Художественнаго театра?...—Онъ сталъ машинально раскладывать по столу открытки. Это занятіе на время его успокоило. Передъ нимъ, какъ живые, вставали знакомыя картины.

— Если сдѣлать такъ...

Онъ пересматривалъ снимки «Иванова».

— Низко, подло,—упрекалъ онъ себя черезъ минуту: вѣдь это—воровство, вѣдь всѣ кругомъ знаютъ, всѣ поймутъ сейчасъ же... Гдѣ же моя самобытность, о которой я все время толковалъ. Низко, подло... Они поймутъ, будутъ смѣяться..

Пушковъ заплакалъ... мысли разбѣжались по темнымъ угламъ комнаты.

Къ утру онъ заснулъ, положивши голову на руки. Лампа догарала.

Въ девять часовъ Кожевниковъ засталъ его спящимъ за столомъ, на которомъ были разложены груды открытокъ.

— Пушечъ, это не дѣло! Чертъ съ ними, съ «Зубами». Умойся, братецъ, да окати себя водицей. Смотри, какой денекъ!..

Денекъ былъ на славу.

Пушковъ поднялъ тяжелую голову, онъ чувствовалъ себя разбитымъ.

Холодный душъ освѣжилъ его, онъ оживился, было и говорилъ о постороннемъ, но послѣ чаю, по дорогѣ на репетицію въ клубъ, его опять разморило.

Солнце жгло нестерпимо, было душно.

Начали съ перваго акта.

Пушковъ самъ изображалъ поливальщика. Онъ взялъ въ руки лейку. Въ ней было немного грязной красной—отъ ржавчины—воды.

Онъ махнулъ рукой и нечаянно облилъ платье Подгорской.

— Чертъ знаетъ что!—вскринула она—помѣшались всѣ, пойдите къ черту со своими деталями, всю юбку испортили. Я не стану играть эту дрянъ...

Заговорили всѣ сразу. Накопившееся неудовольствіе вырвалось наружу и помчалось потокомъ.

Натиска его Пушковъ не выдержалъ.

— Молчите, проклятыя струны!—крикнулъ онъ изо всей силы, копируя Михаила Ивановича.

Въ отвѣтъ на знакомый возгласъ поднялся гомерическій смѣхъ.

— Господа, господа!..—силился онъ остановить гомонъ.

Смѣхъ поднимался пуще прежняго.

Пушковъ заплакалъ и выбѣжалъ изъ клуба.

Къ вечеру его нашли въ лѣсу. Онъ спалъ, положивши подъ голову курточку. Къ вечеру же на его имя была получена отъ тещи телеграмма: «Началось, пріѣзжай немедленно, опасаемся осложнений»,

Боялись за его умственные способности. Каяловъ далъ въ провозхатые приказчика, и Пушкова отправили къ женѣ.

Въ воскресенье Кожевниковъ получилъ отъ Пушкова пространное письмо, написанное тоже фіолетовыми чернилами.

«Въ этотъ короткій промежутокъ времени,—писалъ онъ между прочимъ—подъ вліяніемъ пережи-

того я радикально перемѣнилъ свой взглядъ на жизнь. Быть гражданиномъ, отцомъ будущихъ гражданъ—вотъ истинное призваніе человѣка! У тещи есть протекція, думаю поступить въ казначейство. Все окончилось благополучно. Мой крошечный Семенъ похожъ на меня, какъ двѣ капли воды. Юлинька поправляется и кланяется тебѣ. Передай мой поклонъ Лазарю Луарсабовичу».

— *Jamais femme habile ne mourut sans héritiers*,—шутилъ за ужиномъ послѣ спектакля Каяловъ.

Въ этотъ день труппа праздновала побѣду. «Чистенькое дѣльце» покорило Подкамышки. Только что сыграли съ громаднымъ успѣхомъ «Бранда».

И. Платонъ.

Большой театръ, „Демонъ“.

Шаржъ.

Г. Брагинъ въ роли Демона.

Альбомъ „Рампы“.

СЛОВАРЬ СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДЪЯТЕЛЕЙ.

(Продолженіе).

Барсуковъ.

Совершенство въ Италіи,
Много мѣсяцевъ подъ-рядъ,
Думалъ двинуться онъ далѣе,
Но подвинулся... назадъ,

Вальцъ.

Декораторъ старой школы,
Въ декаденствѣ вижу гиль,—
И наноситъ мнѣ уколы
Дерзкій, наглый „новый стиль“.

Власовъ.

Москвичъ! Меня ты мало хвалишь...
Быть басомъ нынче не легко!
Ахъ, близокъ сердцу я тогда лишь,
Когда Шаляпинъ далеко!

Вишневскій.

Движенья, рѣчь—полны огня!
Какая зычность! Темпераментъ!
Не будь актеромъ я,—въ парламентъ
Давно-бы выбрали меня!

Вяльцева.

До сихъ поръ въ большой цѣнѣ
Мой талантъ воображаемый...
Подражаютъ всюду мнѣ,
Но слыбу—„неподражаемой!“

Ж. Варламовъ.

Русской сцены брилліантъ!
Дорогъ всѣмъ и всѣмъ понятенъ.
Необъятенъ твой талантъ,
Да и самъ ты необъятенъ!

Варламова.

Ей дороже всего буйфонада...
Вѣкъ смѣшить—и для смѣха живетъ.
Въ три объхвата! Но пляшетъ—и рада
Положить за искусство животъ!

Е. Гельцеръ.

Огня и граціи полна,
Въ балетъ я царю одна...
Но—ахъ!—„профаны“ заорали,
Что, кромѣ Гельцеръ, есть Корали—
и Балдина!

Торькій.

Опустяся на дно людское,
Онъ взлетѣлъ за облака.—
И на Капри, на покой
Забываетъ босяка...
Жизнь по новому устройъ,
Онъ забылъ російскій бытъ...
Позабылъ своихъ героевъ,
Да и самъ... почти забытъ!

Ягашевъ *).

Не старъ, но снѣга сталъ бѣлый...
Врачуешь Школой свой удѣлъ онъ...
Но поспѣлъ не отъ ролей,—
Отъ репетицій поспѣлъ онъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Соло.

Муфта.

(Монологъ).

Небольшая комната. Узкая желѣзная кровать подъ бѣлымъ одѣяломъ, умывальникъ, комодъ съ зеркаломъ и флаконами на немъ, книжный шкафъ, письменный столикъ, около него стулъ, большое дѣдовское кресло у окна, на стѣнѣ портреты родныхъ, нѣсколько гравюръ, на окнѣ—цвѣты. Уютно, но не богато. Вечеръ. Въ углу на столикѣ горитъ подъ абажуромъ лампа.

Молодая дѣвушка 19 лѣтъ стоитъ у письменнаго стола и жжетъ на свѣчѣ записку, предварительно просмотрѣвъ ее.

— Зачѣмъ сожгла и—сама не знаю. Пахнетъ гарью... (Беретъ пульверизаторъ и, брызгая, ходитъ по комнатамъ). Хочется увѣрить себя, что владѣю собой, а гдѣ—ужъ... Дрожитъ рука, сердце такъ и бьется и виски... (Поставивъ флакомъ, берется за виски руками).

— Что со мною? Боже мой! Зачѣмъ онъ мнѣ рассказывалъ объ этой муфтѣ... Это какой-то кошмаръ... Онъ измучитъ меня... Я вижу эту картину, точно ее выжгли въ моемъ мозгу... Когда они проѣхали мимо меня на тройкахъ, я помню у меня замерло сердце въ предчувствіи чего-то ужаснаго... Былъ мартъ, послѣдній санный путь... Они спѣшили за городъ... я съ мамой выходила изъ магазина и они весело раскланялись съ нами... Онъ сидѣлъ въ саняхъ vis-à-vis съ нею... а послѣ, когда возвращались ночью,—онъ сказалъ мнѣ—пересѣлъ рядомъ... Было темно, всѣ выпили, каждый былъ занятъ своей дамой... Его дамой была она... ну и... у нея въ рукахъ была большая соболья муфта... «какія наши бабушки носили» говоритъ онъ... однимъ словомъ удобная муфта... за ней было такъ тепло... ему тоже было холодно, вѣтеръ былъ въ лицо и онъ прятался за ея муфту... да... Она отчаянная кокетка, эта Александра Васильевна... Онъ не сказалъ мнѣ, но я воображаю, какъ она

*) Прошу прошенія у посѣдѣвшаго на сценѣ артиста, что своевременно пропустилъ его фамилію и помѣщаю ее—въ алфавита.

Шаржъ Г. Петтера.

С. Сабуровъ.

кокетничала... «Грѣлись, грѣлись за муфтой, да и поцѣловались»... Это онъ такъ сказалъ мнѣ и я до сихъ поръ вѣрила... а теперь думаю не поцѣловались, а долго долго, всю дорогу цѣловались... *(Вздрагиваетъ, закрывая лицо руками)*... Зачѣмъ, онъ мнѣ это рассказалъ... Точно отравилъ меня... Были мы такими хорошими друзьями, никогда даже руки онъ мнѣ не цѣловалъ и такъ мнѣ было съ нимъ просто, легко, хорошо... И мама довѣряетъ ему, насъ оставляютъ вдвоемъ... Николай Николаевичъ не любитъ его, язвитъ, называетъ хлыщомъ и фатомъ, но это—не правда, онъ не знаетъ его... Я виновата передъ Николаемъ Николаевичемъ. Я когда-то давно мечтала о немъ, какъ о своемъ мужѣ... я даже разъ поцѣловалась съ нимъ, но, Боже мой, вѣдь это было ребячество. Я еще училась тогда... Потомъ онъ уѣзжалъ надолго, а въ его отсутствіе пріѣхалъ этотъ... и мы—правда—очень сдружились и я была очень откровенна съ нимъ, но о любви между нами не было и рѣчи... Когда Николай Николаевичъ вернулся и началъ ревновать, мнѣ это показалось смѣшнымъ, вѣдь я еще не жена ему, да и не буду его женой... Теперь онъ противенъ мнѣ съ этими идиотскими претензіями и съ предъявленіемъ какихъ-то несуществующихъ правъ... Я была рѣзка съ Николаемъ Николаевичемъ... Это нехорошо, сознаюсь, но что мнѣ дѣлать... Все было хорошо, пока я не отравилась этой... муфтой. Все во мнѣ вспыхнуло, все замутилось... ничего я теперь не могу...

Пусть я влюбилась, пусть это безуміе, мнѣ все равно. Два мѣсяца, которые прошли послѣ его разсказа о муфтѣ—это былъ какой-то сплошной кошмаръ... Онъ рассказалъ мнѣ такъ просто, весело, какъ другу и я въ первую минуту смѣялась, а потомъ только поняла, что они цѣлуются еще и еще...

и не за муфтой... а дома у нея, у него... я не знаю гдѣ, но цѣлуются, непременно цѣлуются... я видѣла ихъ вмѣстѣ на улицѣ, въ театрѣ... я поняла это, я всѣмъ существомъ своимъ почувствовала, что они цѣлуются... Спросить его я не могла... онъ сталъ такъ рѣдко приходить къ намъ... даже мама замѣтила... Спрашиваетъ «что этотъ милый молодой человѣкъ давно не былъ?»... А папа, кажется, его не очень любитъ... Но что-же дѣлать, что-жъ дѣлать?... Папѣ я вѣрю, но сейчасъ я не могу разсуждать, ахъ—не могу... *(Заложивъ руки, она, молча, ходитъ по комнатѣ)*.

— Вы, влюбились,—говоритъ Николай Николаевичъ...—въ него здѣсь всѣ влюбились...

Ну и что-же? Если всѣ влюбились... Вѣрно есть за что... да и не все-ли мнѣ это равно! Я не знаю влюбилась-ли я, люблю-ли... я не хочу ничего знать... я чувствую одно, что пока онъ мнѣ не разсказалъ объ этомъ поцѣлуй за муфтой—все во мнѣ было тихо, а послѣ этого я точно съ ума сошла... я даже не знаю, какъ мысль тоже поцѣловать его забралась въ меня... муфта эта не давала мнѣ покою... Когда мы встрѣчались, разговоръ непременно хотъ мелькомъ касался... муфты... Мы оба отлично понимали, что не въ муфтѣ сила... «и не въ шитьѣ была тамъ сила»... Да... Муфта—это значило поцѣлуй... И я когда-то—не знаю съ чего разсказала ему, что и у меня была своя муфта... разъ, давно въ передней съ Николаемъ... когда я еще гимназію кончила, совсѣмъ дѣвченкой была... Онъ ужасно хохоталъ и спрашивалъ меня и хотѣлъ тоже поцѣловать мою руку, но я просила этого не дѣлать... Я только хочу спросить васъ, какъ онъ цѣловалъ вотъ такъ, или... Но я не дала... Не хотѣла портить чистыхъ отношеній... Глупая... Жалѣла послѣ... Ну, а потомъ, когда опять такъ бесконечно, бесконечно долго его не видала... я обманула себя... Конечно, обманула, теперь я понимаю но тогда искренно обманывала... Послала ему книги и записку... Господи! До чего я волновалась! Точно на любовное свиданіе шла, или Богъ вѣсть что ему написала...—Онъ пришелъ на другой-же день... Вынимая портмоне, онъ засунулъ глубже мою записку, я узнала листокъ... Мнѣ было пріятно, что онъ не бросилъ ее и сердце такъ забилося... Глупо это, конечно, но все равно, теперь все равно. Я не могу разсуждать... Былъ вечеръ... Наши всѣ сидѣли на балконѣ... было такъ тепло... пахло черемухой... Теперь этотъ запахъ черемухи сводитъ меня съ ума... я купила духи... напоминаетъ, но не то... *(Беретъ флаконъ, льетъ на руки, растираетъ и нюхаетъ)*...

Мы разбирали ноты... я хотѣла пѣть, но не могла... какое-то нервное состояніе... все валилось изъ рукъ и сердце до того билось, что я едва могла говорить... я не знала за секунду, что сдѣлаю то, что сдѣлала... я не раскаиваюсь... о, ничуть!.. *(Грустно усмѣхаясь)*. Вотъ когда потеряла я свой престижъ... Хорошо, что мама и не подозрѣваетъ объ этомъ... Онъ сѣлъ у дверей балкона за драпировкой... я шла на балконъ, захватила драпировку и вдругъ точно кто шепнулъ мнѣ—муфта!.. О-о! Это лучше муфты... *(Послѣ нѣкотораго молчанія говоритъ съ мечтательной улыбкой)*. Какъ тамъ было темно въ этомъ уголкѣ за драпировкой!.. А я еще и глаза закрыла. Безуміе! Голоса съ балкона слышались такъ ясно... я совершенно не знаю, сколько времени длился этотъ поцѣлуй... секунду, должно быть... Мнѣ показалось—цѣлую вѣчность...

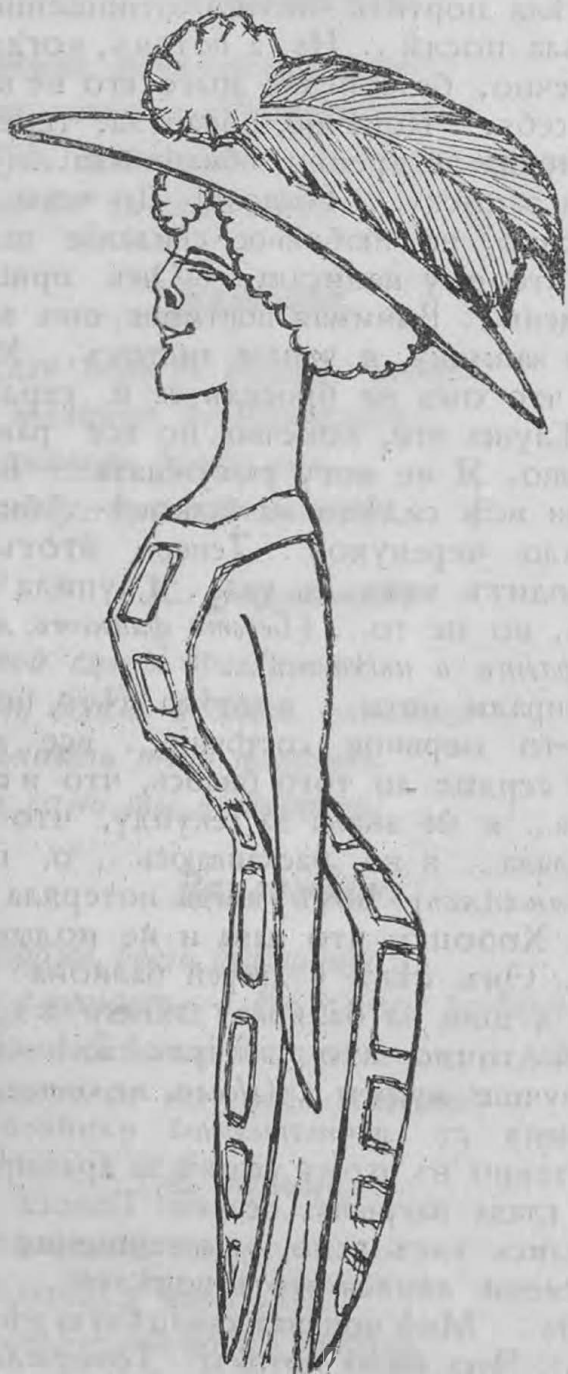
Потомъ... Что было потомъ?... Говорили, ходили, ужинали... все шло какъ всегда и никто не прочелъ ничего на моемъ лицѣ, папа только погла-

дилъ меня по щекѣ и спросилъ, не болитъ-ли у меня голова, щеки такъ красны... я поцѣловала его руку... мнѣ не хотѣлось ни лгать, ни говорить правду; я сказала, что мнѣ хорошо... и мнѣ дѣйствительно было такъ хорошо... Говорятъ, судьба покровительствуетъ влюбленнымъ... я не знаю... можетъ быть это такъ... а можетъ быть, любовь и страсть дѣлаетъ человека умнѣе, хитрѣе что-ли, изобрѣтательнѣе, находчивѣе.... ну, живѣе, я ужъ не знаю что и какъ... только муфта за драпировкой, въ темнотѣ, на балконѣ... муфта повторялась... и теперь я хочу одного—цѣловать его еще, еще, до безконечности... Онъ написалъ, чтобы я вышла, какъ стемнѣетъ... я выйду.. и пойду за нимъ куда онъ захочетъ... и никакихъ колебаній, мыслей—ничего... я вся въ его власти... и мнѣ такъ хорошо... (Смотритъ въ окно, накидываетъ на плечу шарфъ, а на плечи пальто и тихо выходитъ). Встрѣтится кто, спроситъ—куда?—Голова болитъ... по саду похожу... Лгу? Гадко? Не все-ли равно? Вѣдь правды они не поймутъ, да имъ ея и не нужно... Правда то, что кипитъ во мнѣ, правда—это счастье, а я такъ счастлива! (Въ окно бросаютъ песокъ). О, о... онъ тутъ. Бѣгу!.. (убѣгаетъ)...

Екатерина Экъ.

Шаржъ Г. Петтера.

Г-жа Грановская.

Москва.

П. П. Гнѣдичъ, котораго ждали къ первымъ репетиціямъ «Холоповъ», пріѣдетъ въ Москву, какъ теперь выяснилось, только къ генеральной репетиціи пьесы.

— Абонентамъ Художественнаго театра не повезло въ этомъ году такъ-же, какъ и въ прошломъ.

Дирекція театра вынуждена будетъ нарушить обязательства передъ абонементной публикой и отказаться отъ мысли поставить въ текущемъ сезонѣ четвертую новую пьесу.

Причина та-же, что и въ прошломъ году: недостатокъ времени для подготовительной работы.

Чтобы прекратить такое неудобство, рѣшено сократить вакаціонный періодъ и въ будущемъ году приступить къ репетиціямъ не съ первыхъ чиселъ августа, какъ это практиковалось ранѣе, а съ середины іюля.

— Благодаря тому, что репертуаръ Художественнаго театра пополнися въ этомъ сезонѣ всего лишь тремя новыми пьесами, предполагавшееся турнѣ по Россіи рѣшено отложить. Обычная-же ежегодная поездка постомъ въ Петербургъ состоится.

— Пьеса А. И. Южина «Вожли»,— по словамъ «Голоса Москва», не пойдетъ въ Маломъ театрѣ потому, что для исполненія одной главной женской роли нѣтъ подходящей артистки въ труппѣ.

— Въ «Журналѣ распоряженій Императорскихъ московскихъ театровъ» объявлено объ утвержденіи А. И. Южина управляющимъ труппою Малаго театра и порученіи ему работы репертуара будущаго сезона.

— Въ прошлое воскресенье, 16-го ноября, г. Блюменталь-Тамаринъ поставилъ первый утренникъ.

«Средняя» праздничная публика, съ восторгомъ принимала избитую, но веселую «Ночь любви», которая дѣйствительно исполнялась недурно.

Какъ всегда, граціозна и мила г-жа Сабо; гг. Тальмъ, Ландратъ и Гамалѣй добросовѣстно смѣшили публику; начала привыкать къ опереткѣ и г-жа Веретенникова.

Изъ двухъ новыхъ исполнителей выдѣлился и имѣлъ заслуженный успѣхъ баритонъ г. Рокотовъ; у него хорошій молодой голосъ и привлекательная внѣшность.

Теноръ г. Тамбіевъ по сценическимъ даннымъ мало подходитъ къ амплуа перваго любовника; тѣмъ не менѣе и онъ имѣлъ у публики успѣхъ.

— Вопросъ, гдѣ будетъ труппа Художественнаго театра играть постомъ, пока не рѣшенъ. Если труппа останется въ Москвѣ, постомъ будетъ подготовлена и четвертая новинка.

— 25 ноября въ залѣ Женскаго клуба (Гагаринскій, д. Маслова) состоится публичная лекція Т. Ардова «Синяя птица, какъ теософическая пьеса». Начало въ 8 час. вечера.

* * *

Никишъ и Большой театръ.

Давно старяя стѣны казенной оперы не были свидѣтельницами такого энтузіазма, такого восторга, который произвелъ Артуръ Никишъ въ оперѣ «Кармень».

Какъ будто лучъ солнца проникъ въ этотъ затхлый полвалъ, гдѣ изо дня въ день влачатъ свое существованіе оркестровые музыканты. Озарилъ ихъ яркимъ свѣтомъ.

Разбудилъ отъ долгаго летаргическаго сна. Показалъ, что и въ подвалѣ сидятъ артисты и гораздо болѣе талантливые и чуткіе, чѣмъ тѣ, которые фигурируютъ на сценѣ.

По крайней мѣрѣ въ первыхъ еще теплится священный огонекъ,—въ послѣднихъ осталась ужъ одна зола...

Никишъ показалъ, что нашимъ оркестромъ слѣдуетъ гордиться, что въ немъ вся притягательная сила казенной оперы.

Въ нѣмецкой школѣ драматическаго искусства.

1) Слишкомъ вяло, любезнѣйшій,—такъ не умираютъ!

2) Вотъ какъ умираютъ!

3) Вяло, вяло, чертъ возьми!

4) Что? Онъ, кажется, не на шутку скончался!.. (Simpliissimus).

Но только подъ руководствомъ настоящаго таланта, далеко отъ закулисныхъ интригъ, личныхъ счетовъ и т. п. прелестей.

Послѣднее время мы слушали «Карменъ» подъ управленіемъ теперешняго инспектора оркестра г. Федорова, который очевидно обращалъ исключительное вниманіе на внѣшнюю дисциплину оркестра, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о художественномъ толкованіи произведенія.

Появился за пультомъ Никишъ и случилось, какъ разъ обратное. Дирижеръ прежде всего занялся художественной стороной—дисциплина же установилась помимо него. Только потому, что артисты стали работать съ артистомъ.

Очевидно, дѣло не въ полицейскомъ воздѣйствіи. Но... урокъ великаго дирижера не принесетъ желанныхъ результатовъ.

И вмѣсто того, чтобы поучиться, наши чиновные капельмейстеры начнутъ съ критики Никиша. А потомъ... Потомъ неизбежно придутъ къ заключенію, что они не хуже. Скорѣе лучше, такъ какъ не оригинальничаютъ. Не возбуждаютъ споровъ, пререканій. Они незамѣнимое средство отъ бессонницы.

Въ скоромъ времени доктора будутъ прописывать ежедневно половинную дозу Большого театра. Но не болѣе. Такъ какъ пациентъ можетъ заболѣть летаргіей...

Съ перваго-же аккорда Никишъ, какъ-бы наэлектризовалъ весь залъ. Передъ вами пестрая, жизненная толпа, которую съ рѣдкимъ мастерствомъ охарактеризовалъ композиторъ.

И съ каждымъ новымъ тактомъ, съ каждымъ ансамблемъ, хоромъ, аріей вы чувствуете, что Бизе дѣйствительно гений съ поразительной яркостью и субъективизмомъ, сумѣвшій очертить какъ отдѣльныя народныя сцены, такъ и интимную драму Хозе и Карменъ.

Никишъ схватилъ общую картину, придалъ чисто-національный, страстный колоритъ.

Невозможно подробно остановиться на тѣхъ музыкальныхъ нововведеніяхъ, которыя сдѣлалъ великій дирижеръ. Пришлось бы разобрать безъ преувеличенія каждую фразу, а въ иныхъ случаяхъ и каждый тактъ.

Главныя, характерныя черты дирижерства Никишъ—тонкій, ажурный аккомпаниментъ, имѣющій у него въ смыслѣ фразировки и самостоятельное значеніе. Кромѣ того дирижеръ видитъ въ оркестровомъ сопровожденіи отраженіе тѣхъ пережива-

ній дѣйствующаго лица, которыя лишь намѣчены въ вокальной фразѣ.

Поэтому Никишъ даетъ цѣлый рядъ сильныхъ контрастовъ. У него драма въ оркестрѣ имѣетъ равное художественное значеніе, какъ и драма на сценѣ. И здѣсь нужно быть сильнымъ артистомъ и музыкантамъ-пѣвцомъ, чтобы выдержать эту конкуренцію съ оркестромъ.

Послѣдній въ своемъ бенефисѣ низвелъ пѣвцовъ до нуля. Положимъ они не были подготовлены, такъ какъ привыкли видѣть въ оркестрѣ второстепенное малозначущее дополненіе къ оперѣ. Остается искренно пожелать, чтобы Никишъ оставилъ, хоть какой-либо слѣдъ въ казенной оперѣ, сколько-нибудь научилъ бы нашихъ дирижеровъ художественной трактовкѣ...

Ник. Куровъ.

* * *

ЭКЗАМЕНЪ ВЪ ФИЛАРМОНИИ. Для перваго изъ трехъ выпускныхъ ученическихъ спектаклей драм. курсовъ Филармоническаго училища поставили старую комедію «То было раннее весною».

Прежде всего, нельзя не удивиться такому странному выбору пьесы для ученическаго спектакля.

Среди части нашихъ преподавателей почему-то существуетъ обычай экзаменоватъ своихъ учениковъ въ такихъ устарѣлыхъ, архивныхъ и глупыхъ пьесахъ, которыя сошли со сцены даже и въ самой захудалой провинціи.

Почему для ученическихъ спектаклей силошь и рядомъ ставятся такія пьесы, которыя можно увидѣть развѣ на третье-сортномъ любительскомъ спектаклѣ гдѣ-нибудь въ Тетюшахъ и которыя уже совершенно сошли съ нашей сцены и представляютъ изъ себя осколки того недобраго прошлаго, когда нашей сценой всецѣло владѣли разные драматическихъ дѣлъ мастера.

Нечего говорить, насколько ложенъ этотъ взглядъ на ученическіе спектакли, которые, по моему мнѣнію, должны состояться изъ классическихъ и во всякомъ случаѣ—изъ *литературныхъ* пьесъ.

Вѣдь выработка хорошаго вкуса несомнѣнно составляетъ одну изъ главныхъ задачъ сценическаго воспитанія.

Да и съ практической стороны очень трудно судить о способностяхъ ученика по какой-нибудь водевильной драбени, гдѣ нѣтъ и намека на психологію, на обрисовку характеровъ, на сценическій рисунокъ, а одинъ сплошной любительскій трафаретъ.

Тѣмъ болѣе это досадно, что среди выпускныхъ учениковъ и ученицъ Филармоническаго училища большинство обладаетъ незаурядными способностями.

На первомъ планѣ г-жа Дерюгина и г. Языковъ.

Г-жа Дерюгина очень изящна, прекрасно владѣетъ тайной легкаго діалога, великолѣпно держится на сценѣ.

Это уже со-сѣмъ сложившаяся артистка и, повидимому, ее ждетъ большое будущее.

У г. Языкова, прежде всего, великолѣпный голосъ, такой мощный и ласковый въ одно время.

Прекрасно держится,—съ технической стороны хоть сейчас на любую сцену.

Но, думается, что не комедія его область и окончательное мнѣніе о г. Языковѣ можно высказать только посмотрѣвъ его въ драматической роли.

У г-жи Буйницкой несомнѣнные признаки дарованія, но пока все портитъ робость. Во всякомъ случаѣ на лицо: и искренность и чувство.

Хорошее впечатлѣніе оставилъ и г. Шеръ.

Масса юмора, огромный темпераментъ, подвижность, но зато и наклонность къ шаржу и нѣкоторая однообразие и однообразіе комическихъ приемовъ.

Очевидно, очень способный ученикъ г. Сережниковъ и чувствуется большое комическое дарованіе въ г-жѣ Архиповой, очень ярко сыгравшей крошечную роль горничной.

За то совершенно безнадеженъ г. Рожинъ.

Глухой голосъ, какой-то фальшивый, слащавый тонъ, нелѣпая внѣшность, все это отзывается дешевымъ любительскимъ спектаклемъ.

Можетъ быть г. Рожинъ игралъ не свою роль, но тогда къ чему такіе эксперименты надъ учениками?

Обстановка убогая, примитивная и несуразная..

Думается, что не такъ должны обставляться ученическіе спектакли въ крупномъ столичномъ театральномъ училищѣ.

Як. Львовъ.

* *

ИСТОРИЧЕСКІЕ КОНЦЕРТЫ. Четвертый историческій концертъ Русскаго Музыкальнаго общества состоялся 16 ноября и былъ посвященъ представителямъ романтическаго направленія въ музыкѣ.

Во главѣ программы,—первая симфонія Шумана, одного изъ наиболѣе яркихъ романтиковъ. Симфонія эта написана почти въ періодъ женитьбы на дочери своего учителя Кларъ Викъ, прекрасной піанисткѣ, и полна бодрости и жизнерадостности. Но все-же утвердившееся мнѣніе, что Шуманъ, несмотря на нѣкоторыя превосходныя крупныя произведенія, лучше владѣлъ мелкими формами, въ которыхъ онъ доходилъ до неподражаемаго совершенства, справедливо. Кроме того, этотъ гениальный композиторъ фортепіанныхъ и вокальных произведеній далеко не въ совершенствѣ справлялся съ оркестромъ, а потому въ симфоническомъ концертѣ трудно его представить въ полной силѣ.

Далѣе слѣдовалъ Шопенъ, композиторъ, создавшій эпоху въ области фортепіанной игры, посвятившій почти все свое творчество этому инструменту и исполненный концертъ е-moll отнюдь не могъ дать полного представленія о силѣ и яркости его творчества.

Къ тому-же оркестровый аккомпаниментъ велся въ подлинной инструментовкѣ, а теперь къ этому прибѣгаютъ рѣдко, ибо Шопенъ—гений фортепіано, никакъ не справлялся съ оркестромъ.

Зато въ полномъ блескѣ предсталъ Мендельсонъ со своимъ лучшимъ произведеніемъ: «Сонъ въ лѣтнюю ночь».

Дирижировавшій концертомъ Г. Василенко, очевидно, больше всего удѣлил вниманія сочиненію Мендельсона, которое было исполнено очень хорошо, пожалуй только скерцо хотѣлось-бы слышать въ болѣе выдержанномъ темпѣ, а то очаровательное соло флейты въ концѣ было нѣсколько скомкано. Что-же касается симфоніи Шумана, то въ ней удалось дирижеру больше I и IV части, остальныя-же проведены были немного однообразно.

Участвовавшая въ концертѣ піанистка Э. Чернецкая сыграла музыкально, хотя нѣсколько блѣдно концертъ е-moll Шопена. Мило звучалъ голосъ г-жи Соколовой, пѣвшей 1-го эльфа, чего нельзя сказать про г-жу Олешкевичъ, слишкомъ грузную для эльфа. Изъ декламирующихъ выдѣлились г-жа Враская и г. Званцевъ.

Въ концѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ о поражающей некультурности московской публики; кажется, нѣтъ такого гениальнаго сочиненія, которому она не показывала-бы спины. Начиная съ середины отдѣленія публика стала выходить и никакіе протесты не помогали. Въ Москвѣ совсѣмъ не такъ ужъ дорожатъ временемъ и не думаю, чтобы экономія таковымъ заставляла публику выходить раньше; просто—это неуваженіе къ искусству, привычка смотрѣть на послѣднее, какъ на забаву. Люди, умѣющие ходить по залѣ подъ ноктюрнъ, должны-бы, наконецъ, подумать, что, если они не желаютъ слушать, не слѣдуетъ мѣшать другимъ,—это ужъ вопросъ воспитанности.

М.

* *

ТЕАТРЪ БУФФЪ. Дирекція театра измѣнила свой прежній «курсъ» и направилась по старому, но вѣрному пути.

Блиставшій отсутствіемъ музыки оперетта «Гусарскій постъ», «Цыганка Домаша», уступили мѣсто «Прекрасной Еленѣ», «Корневильскимъ колоколамъ».

И театръ, и публика отъ этого только выиграли.

Театру «Буффъ» представилась возможность блеснуть не только постановкой, но и музыкальной частью и своими силами.

Публикѣ, посѣщающей «старыя» оперетты, переменна репертуара пришлось по нраву, лучшимъ доказательствомъ могутъ служить хорошіе сборы.

«Корневильскіе колокола» прошли съ успѣхомъ.

Серполетту играла М. П. Никитина; талантъ артистки не поддается времени, исполненіе этой роли, какъ и всѣхъ сыгранныхъ ею ролей, безукоризненно.

Блюменталь-Тамаринъ игралъ Гаспара въ реальныхъ, не «опереточныхъ» тонахъ, и сцену сумасшествія провелъ очень хорошо.

Г-жа Никитина-Тамарина (Жерменъ) и г. Милютинъ (Гренише) и Днѣпровъ (маркизь де-Корневиль) были недурны.

Р. Р.

Письмо въ редакцію.

9-го декабря ростовская драматическая труппа Соболевцова-Самарина празднуетъ 25-лѣтній юбилей артистки Антонины Александровны Соколовской. Желавшихъ присоединиться къ чествованію просятъ адресовать привѣтствія въ Ростовъ-на-Дону, въ театръ Асмолова, въ комиссію.

Вольфъ, Милчъ, Васильевъ, Соболевцовъ - Самаринъ, Урванцовъ.

Петербургъ.

Союзомъ драматическихъ писателей 16 ноября заслушанъ докладъ особой комиссіи по вопросу о литературной конвенціи. Комиссія высказалась въ пользу исключительныхъ правъ автора на переводъ своихъ произведеній, т.-е. за вступленіе Россіи въ международную литературную конвенцію. Особое мнѣніе было заявлено членомъ комиссіи Кугелемъ, стоявшимъ за свободу перевода. Собраніе большинствомъ 10-ти голосовъ приняло мнѣніе комиссіи.

— Первое представленіе новой пьесы А. А. Сумбатова «Вожли» состоится въ концѣ ноября. Женскія роли въ пьесѣ раздѣлены между г-жами Ведринской, Стравинской и Мичуриной.

Ближайшей постановкой послѣ «Вождей» явится пьеса д'Аннунціо «Мертвый Городъ» съ М. Г. Савиной.

— Въ Общедоступномъ театрѣ гр. Паниной готовятся къ постановкѣ «Антигона» Софокла «Эросъ и Психея» Жулавскаго и «Апостолъ Сатаны» Б. Шоу.

— Пьеса Л. Андреева «Дни нашей жизни» продолжаетъ давать «Новому театру» полные сборы.

— Въ составъ Русской Оперы, спектакли которой начнутся въ Большомъ залѣ консерваторіи 26 декабря, приглашенъ извѣстный теноръ Севастьяновъ.

— Къ директору Императорскихъ театровъ, Теляковскому, являлась депутація отъ артистовъ Александринскаго театра съ ходатайствомъ о назначеніи 4-го члена петербургскаго отдѣленія театально-литературнаго комитета изъ состава русско-драматической труппы. Въ числѣ кандидатовъ называли гг. Ге и Ходатова.

Директоръ, однако, по словамъ «Пет. Газ.», рѣшилъ не назначать артистовъ въ комитетъ, и на мѣсто покойнаго Потѣхина послѣ новаго года будетъ назначенъ г. Мережковский.

— 17 ноября вечеромъ во время представленія въ петербургскомъ театрѣ «Буффъ» оперетты «Въ вихрѣ вальса» грянулъ выстрѣлъ, произведшій большой переполохъ. Оказалось, что одинъ изъ служителей въ карманѣ платья морского офицера нащупалъ револьверъ. Предохранитель былъ спущенъ, и револьверъ при нажимѣ курка произвелъ выстрѣлъ. Пуля, по словамъ «Бир. Вѣд.», ударила въ полъ и отскочила рикшетомъ въ сторону, не причинивъ никому вреда.

— Лучшіе сборы въ Александринскомъ театрѣ даютъ «Сполохи» Тихонова и «Позняя любовь» Островскаго.

Слабѣе сборы лѣлаетъ «На перепутьѣ» Н. Н. Ходотова и совсѣмъ плохіе «У царскихъ вратъ» Кнута-Гамсуна.

„Корневильскіе Колокола“ въ театрѣ „Буфф“.

Шаржъ.

Блюменталь-Тамаринъ. Никитина. Днѣпровъ. Шеръ.

Петербургскія письма.

V.

Старыя-ль формы, новыя-ль формы; актеру-ли первое мѣсто, режиссеру-ли; прежнее-ль лицедѣйство профессионаловъ передъ пассивною публикой, нѣ-кѣ-п-к-о втиснутой въ свои нумерованныя стойла, или рампа должна отойти въ область преланій, для того чтобы могли «въ легкой пляскѣ помчаться» тайный совѣтникъ Звѣздинцевъ изъ перваго ряда объ руку съ экзальтированной «протагонисткой» Комиссаржевской...

Ахъ, да не все-ли, наконецъ, это равно и не довольно-ль объ этомъ? Пора-же сообразить что все это сплошь—не цѣли, а только лишь средства. Цѣль-же одна у всѣхъ, и всѣ ее знаютъ. Знаютъ также и то, что она до сихъ поръ, несмотря ни на что, еще не достигнута. Если-же и достигнута кое-гдѣ, кое въ чемъ, то весьма отдаленно, мизерно. Утерянъ секретъ созвучія между двумя театральными душами: душою сцены и душою зрительной залы. Идетъ ли архимодернистскій блоковский «Ба-

лаганчикъ», перетряхиваются-ли безвременно обветшавшія рукодѣля Шпажинскаго,—въ пустой и бездѣйственной атмосферѣ звучать лишь «слова, слова, слова» и мелькаютъ безжизненные фигуры болѣе или менѣе искусно исполненнаго кинематографа. Публика—это умная, славная, здоровая женщина, затосковавшая въ прозаическихъ объятіяхъ слишкомъ ужъ обмѣщанившагося супруга, взыскующая жадной душою «новаго града». Какъ всякая женщина въ такомъ положеніи (въ реальность Норы, обошедшейся въ одиночку, я слабо вѣрю), она ждетъ «героя»,—сильнаго смѣлаго, знающаго слова не простыя, но окрыленные таинственными флюидами... Ну, однимъ словомъ—художника «божіей милостію», который не ограничился-бъ болѣе или менѣе интересными «разговорами», а встряхнулъ-бы свою душу, взялъ за руки и повелъ...—Не все-ли равно куда? Только-бы вонъ изъ удушающей атмосферы обанкротившейся дѣйствительности. И не все-ли равно, въ какой формѣ выльется это жизне-творное дѣйствіе? Большой художникъ, герой искусства не выдумываетъ своихъ формъ: онѣ у него рождаются сами собою.

Такія мысли внушила мнѣ благородная «повѣсть» Радзивиловича «Сумерки», совершенно не оцѣненная публикою суворинскаго театра и очень одно-

сторонне—критикою, замѣтившею любопытное новшество сценической техники и совѣмъ проглядывшею душу произведенія.

Тутъ у меня какъ будто противорѣчіе: только что отозвался о публикѣ столь почтительно,—и вотъ констатирую, что она благородной пьесы не оцѣнила. Но дѣло въ томъ, что если публика—вообще, въ ея лучшей части, есть женщина, то публика суворинскаго театра—только лишь «дама». А это большая разница. Да къ тому-же г. Радзивиловичъ не великанъ. Изящный и вдумчивый, онъ не одаренъ большимъ темпераментомъ, который, собственно, и даетъ настоящую власть надъ толпою... Да, пожалуй,—и надъ собственнымъ произведеніемъ. Въ разбираемой «новости» много расплывчатости и длиннотъ, которыхъ театръ органически не переноситъ. Но тѣмъ сильнѣе блестятъ и волнуютъ «узловыя» мѣста.

Сюжетъ очень простъ и не новъ. Нина Петрова (прекрасно играетъ г-жа Миронова), дочь чиновнаго буржуа и сама, всѣмъ складомъ своихъ привычекъ, такая-же, какъ и всѣ окружающіе, задыхается въ атмосферѣ безсодержательнаго, никчемнаго прозябанія. Жаждетъ выхода и не знаетъ его. Способъ освобожденія, придуманный ею, чрезвычайно наивенъ, потому что ей надо уйти не отъ семьи только, но также и отъ себя самой, отъ своихъ собственныхъ буржуазныхъ привычекъ, а она, уходя отъ семьи, мечтаетъ и въ будущемъ строить жизнь по тому-буржуазному методу:

— Остаться безъ всякихъ средствъ...—Я ничего не умѣю дѣлать, и не хочу, не способна. Такъ я и рѣшила взять приданое, уплатить Зорину (подозрительному хлыщу, котораго она избрала въ фиктивные мужья) и послѣ свадьбы я свободна, уйду одна... Мы (съ братомъ Ильей, такимъ-же несчастнымъ какъ и она, да къ тому-жъ и безвольнымъ) уѣдемъ отсюда въ Италію, Швейцарію, въ Египетъ, тамъ хоть тепло и привольно... Что я буду дѣлать, какую создамъ себѣ жизнь?—Я не знаю. Но тамъ будетъ лучше...

Такъ признается она Александру Иванову трудовому человѣку, повидавшему социалисту, съ которымъ пришлось неожиданно столкнуться и говорить въ плотную, интимно. Эта бесѣда—узловой пунктъ пьесы, и этотъ пунктъ разработанъ прекрасно. Передавать ее содержаніе—слишкомъ долго, да и не стоитъ. Вспомните то, что я говорилъ о публикѣ-женщинѣ, «взыскующей новаго града» и художникѣ «божіей милостью», зовущемъ ее за собою—и вы представите ясно діалогъ между Ниной и Александромъ. Какъ и художникъ «божіей милостью», Александръ не вѣритъ въ «только слова», онъ ищетъ гораздо болѣе глубокихъ сліяній душа съ душою. Мало убѣдить человѣка: надо кромѣ того, лично стать ему дорогимъ и желаннымъ и ужъ тогда вести его за собою.

Вторая половина пьесы посвящена совмѣстной трудовой,—«новой» жизни Нины и ея брата Ильи съ Александромъ и его сестрой Анютой, молоденькой дѣвушкой музыкантшей. Здѣсь масса интересныхъ нюансовъ, чрезвычайно правдиво и тонко разработанныхъ. Такъ сказать, «механическое» сліяніе Ильи и Нины съ Александромъ и Анютой уже совершилось, но до «химическаго» претворенія воедино еще далеко, ибо корни былыхъ, буржуазныхъ методовъ жизни еще не выкорчеваны, еще живы и порою сильно даютъ себя знать. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно удачна сцена Ильи съ деньгами, оставленными ему старшимъ братомъ, желающимъ, по разнымъ своекорыстнымъ разсчетамъ, возвратитъ его въ лоно семьи. Соблазнитель долго не разго-

варивалъ: бросилъ пачку «деньжищъ» на столъ—и удалился. И деньги оказались краснорѣчивѣе тысячи словъ. Надо отдать должное остроумію автора. Деньги—символъ всего буржуазнаго бытія современнаго общества. И этотъ безмолвный діалогъ между пачкой бумажекъ и Ильей, къ тому-же съ большимъ талантомъ переданный г. Блюменталь-Тамаринымъ—положительно шедевръ, за который прощаются автору прегрѣшенія всѣхъ предшествовавшихъ длиннотъ и расплывчатостей, и вмѣстѣ съ тѣмъ—одна изъ самыхъ удачныхъ филиппикъ противъ «желтаго дьявола».

Пьеса поставлена г. Гловацкимъ. Новый приѣмъ переходовъ отъ картины къ картинѣ безъ помощи занавѣса, только лишь смѣною свѣта и тьмы, придуманный авторомъ, требуетъ очевидно много вниманія и чувства ритма, и г. Гловацкій выполнилъ эту задачу весьма хорошо. Особенно удалась игра съ яркимъ лучемъ луны, внезапно прорѣзавшихъ темныя комнаты и освѣтившимъ лицо Ильи въ его воровской сценѣ съ деньгами. Получилось нѣчто дѣйствительно очень болезненное, кошмарное, незабывающееся.

Въ театрѣ Коммиссаржевской, за упраздненіемъ «Саломеи» и въ ожиданіи «Черныхъ масокъ» Андреева, пробавляются милымъ, но куцымъ спектаклемъ, состоящимъ изъ двухъ одноактныхъ пьесъ, діаметрально противоположныхъ одна другой и по настроенію, и по краскамъ, и по исполненію. «Королева мая», пастораль Глюка, сверкаетъ совѣмъ какъ капля росы на розѣ подъ утреннимъ солнышкомъ; «Флорентійская трагедія» Уайльда—мрачно блеститъ какъ черный алмазъ. Съ прелестью гюкковской музыки очень успѣшно конкурируютъ какъ голоса, такъ и игра г-жъ Коммиссаржевской, Барынской, Тизенгаузенъ и г. Феона (последній, впрочемъ, играетъ, какъ всегда, хуже другихъ);—напротивъ, бѣдный Уайльдъ, если онъ смотритъ съ того свѣта на исполненіе своего дѣтища, навѣрно не чувствуетъ себя «glücklich», до того исполненіе плохо. Единственно на комъ еще можно остановить глаза, не шокируясь, такъ это на г-жѣ Шиловской. Господа-же Аркадьевы и Желябужскій... Особенно этотъ послѣдній. Бѣдный Раковский! Стоило рѣзаться изъ-за такого актера!..

Въ Маріинскомъ театрѣ съ громаднымъ успѣхомъ возобновлена «Юдифь» съ Шаляпинымъ и Кузой и съ новыми декораціями по эскизамъ сына автора В. А. Сѣрова. Въ послѣднее время (если не ошибаюсь, съ «нелегкой» руки Дорошечевича) и публика, и рецензенты стали къ Шаляпину относиться критически. Шаляпину пришлось половину успѣха уступать партнершѣ; рецензенты находятъ, что Федоръ Ивановичъ и въ самомъ дѣлѣ слишкомъ ужъ «разговариваетъ»... Но я по прежнему продолжаю теряться предъ этой горою таланта. Какая ужъ «критика»,—пошли ему Богъ, еще лѣтъ на тридцать здоровья!..

Сѣровскія декораціи, исполненныя К. Коровинымъ, неровны. Ставку Олоферна хотѣлось-бы видѣть массивнѣе; во второмъ дѣйствіи площадка среди безплодныхъ горъ какъ-то слишкомъ ужъ однотонна, скучна. За то удивительно хороши первое и четвертое дѣйствія,—столько здѣсь знойнаго свѣта, востока. Въ большой гармоніи съ декораціями выдержаны костюмы, по рисункамъ Коровина.

Шмель.

КЛОЧКИ АКТЕРСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Разскажу вамъ клочки воспоминаній о моей сценической дѣятельности.

Актеромъ я былъ плохимъ, служилъ въ провинціи. Игралъ въ старыхъ пьесахъ разныхъ атамановъ, а разъ игралъ сумасшедшую барыню въ «Грозѣ». Это было въ Пензѣ, у Далматова, въ бенефисъ М. И. Свободиной. Третій актъ—а старухи Оказимовской нѣтъ: внезапно заболѣла. Суматоха, скандалъ. Играть некому. Ну вотъ я пошелъ въ уборную Оказимовской, загримировался—и только послѣ уже узнали, что я игралъ «сумасшедшую барыню». Много смѣялись. Въ Пензу я пріѣхалъ прямо съ Турецкой войны. До войны служилъ въ Тамбовѣ и по мелкимъ городишкамъ (съ конца 1875 г.) у знаменитаго антрепренера Г. И. Григорьева. Жили по семейному. Помню лѣтомъ, въ Моршанскѣ, Григорій Ивановичъ снялъ въ саду какое-то зданіе, самъ жилъ въ немъ и всю труппу поселилъ. Кто въ этомъ зданіи, кто въ бесѣдкѣ, кто въ сараѣ, а кто на сценѣ. Къ часу дня собирались обѣдать всѣ на террасу при домѣ. Подавалась для всѣхъ общая чашка щей, куда сами крошили говядину. Премьерамъ и Г. И. подавались отдѣльные тарелки. Жалованье платилъ Гр. Ив. очень маленькое, и то гривенниками маленькимъ и рублями большимъ артистамъ. У него въ карманахъ было всегда три кошелька. Одинъ былъ у него для себя: его никто не видѣлъ. Зато два другіе служили ему службу вѣрную.

Подходитъ маленькій актеръ.

— Григорій Ивановичъ, пожалуйста рубликъ.

— Зачѣмъ-съ? Квартира у васъ есть-съ, харчъ хорошій-съ. Одѣты-съ прилично—и костюмы казенные-съ!

— Да такъ, надо-бы...

— Что-жъ ужъ, извольте-съ!

Открываетъ кошелекъ.

— Вотъ видите-съ, одинъ гривенникъ-съ...

Ну ужъ извольте-съ, послѣдній отдамъ.

Для большого актера вынималъ другой кошелекъ, и сколько-бы онъ не просилъ — отдавалъ рубль.

Въ концѣ-концовъ онъ все-таки уплачивалъ полностью жалованье и ему всѣ оставались должны. Изъ Моршанска мы поѣхали въ Корсаковъ, на осень. Былъ августъ мѣсяцъ. По желѣзной дорогѣ уѣхали самъ Григорьевъ и двѣ актрисы. Намъ-же купили лошадь и телѣгу. Дали нѣсколько короваевъ хлѣба, крупы, соли, луку, сала, котелъ и деревянные ложки.

— Картошки-бы, Григорій Ивановичъ, купили, попросили его.

— Помилуйте-съ, кто-же теперь картошку покупаетъ. Ночью сами накопаете-съ!

И далъ два рубля нашему старшему, суфлеру Федору Федоровичу Качевскому на всю дорогу. Ъхали покойно. Около деревень воровали картошку. Ломали изгороди на дрова, разводили костеръ, варили кулешъ и ночевали около костра. Близъ какого-то села я пошелъ ночью купаться въ озеркѣ, подкрался къ гусямъ, при страшномъ шумѣ поймалъ двухъ. Гоготъ гусей перепугалъ труппу и ко-

гда я принесъ двухъ гусей къ нашему бивуаку—всѣ товарищи испугались, дрожали всю ночь и ругали меня. Боялись, что мужики исколотятъ. Но никто насъ не побеспокоилъ и всѣ два дня мы лакомились вареными и жареными гусями. Насъ было человекъ десять. Въ томъ числѣ и первый любовникъ Изоринъ. Изящный, образованный, спустившій полъ-милліона за границей, хорошей дворянской фамилии, Изоринъ былъ одѣтъ въ рваную чесучевую пару, брюки не хватили до ступни на четверть—и если прибавить къ этому рванья резиновые калоши надѣтые на босую ногу и шляпу изъ реквизита, въ которой Григорьевъ игралъ лѣтъ двадцать разныхъ испанцевъ, то картина будетъ полная.

Зато Изоринъ думалъ вслухъ и ругался только пофранцузски и шелъ крутя усики и покуривая собачью ножку за нашей телѣгой.

— Crai-non! (Sacré nom).

Въ Кирсановѣ театръ былъ въ какомъ-то старомъ сараѣ. Высокій Изоринъ играя Хлестакова всѣ сцены велъ согнувшись, чтобы не прятать лицо отъ публики за поддуги. Я игралъ, — всего 10 человекъ разрабатывали Ревизора, — Добчинскаго, купца Абдулина и Держиморду, то и дѣло перодѣваясь за кулисами. Треуголка и шпага была одна. Входившіе представляться Хлестакову чиновники брали ихъ поочередно. Играли разъ даже «Хижину дяди Тома». Неграми одѣли пожарныхъ. На головы имъ надѣли парики изъ искусственного барашка и вымазали лица и уши сажей. Подняли занавѣсъ. Негры сидятъ на корточкахъ на полу. Входитъ Григорьевъ—дядя Томъ. Пожарные, подученные на репетиціи, встаютъ, и низко кланяясь, снимаютъ парики:

— Здравую-желаю, дядя Томъ!

И надѣваютъ ихъ снова.

Публика даже ничего не замѣтила, а можетъ думала, что именно такъ и надо!

Поздней осенью труппа разъѣхалась, кто куда. Остались въ Кирсановѣ я и суфлеръ К—въ. Деньги вышли, дѣлать нечего, ѣхать не на чѣмъ. Пошли пѣшкомъ въ Рязань черезъ Тамбовъ. Въ Рязани у К—ва было мѣсто. Мы вышли по шпаламъ раннимъ утромъ. Я былъ одѣтъ въ пиджакъ, красную рубаху и высокіе сапоги. К—въ являлъ жалкую фигуру въ лаковыхъ ботинкахъ, шелковой, когда-то бѣлой стеганой шляпѣ и взятой для тепла имъ у сердобольной или у заѣвавшейся кухарки ватной кацевейкѣ съ турецкими цвѣтами. Дорогой питались желтыми огурцами у путевыхъ сторожей, а

Шаржъ Pierre d'or.

Н. Н. Баженовъ.

«Публика первыхъ представленій».

иногда давали намъ и хлѣбца. Шли весело. Ночевали на воздухѣ. Погода стояла на счастье наше теплая и ясная. Въ Тамбовѣ перехватили рублишко у кого-то и дошли до Рязска. Здѣсь непривычный К—въ, окончательно лишившись лаковыхъ ботинокъ, обезножилъ и мы «остановились» въ номерѣ и стали ходить на вокзалъ, гдѣ К—въ старался устроить какъ-нибудь проѣздъ до Рязани. Хозяинъ на другой-же день, видя наши костюмы, сталъ требовать деньги и уже не давалъ самоара, изъ котораго мы грѣлись простымъ кипяткомъ съ чернымъ хлѣбомъ, такъ какъ о чаѣ-сахарѣ мы могли только мечтать. К—въ днемъ ушелъ и скрылся. Я ждалъ его весь день. Наконецъ вечеромъ ко мнѣ стучать. Молчу. Слышу—посылаютъ за полиціей. Это единственно чего я боялся, такъ какъ паспорта никогда не имѣлъ и считалъ совершенно лишнимъ его имѣть, когда я самъ на лицо.

На улицѣ дождь, буря, темъ непроглядная. Я открылъ окно и, спустившись на рукахъ сколько можно, прыгнулъ въ грязь со второго этажа и съ тѣхъ поръ подъ этимъ гостепріимнымъ кровомъ болѣе не бывалъ.

Куда дѣвался К—въ такъ я здѣсь и не узналъ. Онъ оказался потомъ въ Рязани, куда уѣхалъ съ пріятелемъ, случайно встрѣченномъ. Впрочемъ за это коварство я ему благодаренъ: онъ меня стѣснялъ дорогой своей слабостью. Весь мокрый, голодный, я вскочилъ на площадку отходившаго товарнаго поѣзда и благополучно ѣхалъ всю ночь, только подѣзжая къ станціи соскакивалъ на ходу, уходилъ впередъ, и когда поѣздъ двигался, снова садился.

Какъ бы то ни было, а до Рязани я добрался. Были сумерки, шелъ дождь. Подошвы давно износились—дошло до родительскихъ, которыя весьма и весьма страдали по несуразной Рязанской мостовой. Дошелъ до театра. Заперто кругомъ. Стучу въ первую попавшуюся дверь и слышу голосъ:

— Какого тамъ дьявола лѣшій носить? Клянусь Богомъ, ангельское пѣніе не уладило бы такъ мой слухъ, какъ эта ругань.

— Семень, опирай,—гаркнулъ я въ отвѣтъ, услышавъ голосъ К—ва.

— Володя, это ты,—какъ то сконфуженно отвѣтилъ мой К—въ, отпирая дверь.

— Я, братъ, я.

Мы вошли въ уборную, гдѣ въ золоченой деревянной канделябрѣ изъ Отелло горѣлъ сальный огарокъ и освѣщалъ полбутылки водки, булку и колбасу. Оказалось, что К—въ въ громадномъ зданіи театра одинъ-одинешенекъ. Антрепренеръ В—нинъ уѣхалъ въ деревню, сторожа прогнали за пьянство. Обмѣнявшись рассказами о нашихъ злоключеніяхъ, мы завалились спать. К—въ въ уборной устроилъ постель изъ пачекъ ролей и закрылся кацавейкой, а я завернулся въ облака и море, сунулъ подъ голову крышку гроба изъ Лукреціи Борджіа и уснулъ сномъ счастливаго человѣка достигшаго своей цѣли.

Мы зажили во всю.

Вскорѣ собралась труппа и начался сезонъ. Я былъ помощникомъ режиссера. Служили крупныя силы, между прочимъ тогда знаменитый Н. П. Кирѣевъ. Пріѣзжали на гастроли актеры изъ Москвы. Дѣла шли недурныя, но я поссорился съ антрепренеромъ, поколотилъ его, заступившись за обиженного имъ хориста и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь я поступилъ помощникомъ режиссера въ артистическій кружокъ къ Н. Е. Вильде, который очень плохо платилъ актерамъ и я ютился гдѣ Богъ пошлетъ. Иногда ночевалъ въ Чернышахъ у М. В. Лен-

товскаго, иногда въ Чернышахъ кой-у-кого изъ актеровъ, которые меня уводили прямо изъ кружка ночевать, а иногда потихоньку ночевалъ или на сценѣ, или въ залахъ на диванѣ. Разъ вышла неприятность. Часу во второмъ ночи, когда спектакль рано кончился и всѣ ушли, я улегся въ круглой залѣ кружка на диванѣ. Вдругъ меня будятъ. Явился со свѣчей смотритель кружка и выгналъ меня на улицу. Въ карманѣ ни гроша. Пальто холодное. Калошъ нѣтъ, а морозъ градусовъ 20; пришлось шляться по улицамъ. Костровъ, возжигаемыхъ теперь, какъ огненные памятники Власовскому—тогда еще не было. До четырехъ часовъ я шлялся по трущобамъ, а въ четыре, услышавъ звонъ въ Никитскомъ монастырѣ побѣжалъ туда и простоялъ до утра. Днемъ съ репетиціи я шелъ въ актерскій трактиръ Щербакова, бывшій какъ разъ на томъ мѣстѣ Кузнецкаго переулкa, гдѣ Хомяковъ воздвигъ нерукотворенный памятникъ своей самодурной нелѣпости, разсадивъ треугольный садикъ на зло проѣзжающимъ.

С. С. Щербаковъ былъ благодѣтель для актеровъ: вѣрилъ въ долгъ, кормилъ и бралъ дешево. Такъ за 15 копѣекъ онъ давалъ круглый пирогъ съ мясомъ во всю тарелку и соусникъ бульону—цѣлый обѣдъ. Гомонъ стоялъ цѣлый день великимъ постомъ въ этомъ трактирчикѣ, куда собиралась вся актерская провинція съ Н. Х. Рыбаковымъ и Н. К. Милославскимъ во главѣ. Къ намъ, маленькимъ актерамъ, эти тогдашніе колоссы сцены относились дружески, сердечно, какъ къ своимъ младшимъ товарищамъ.

Съ удовольствіемъ вспоминаю эти мои кусочки жизни.

Вл. Гиляровскій.

Русская выставка въ Вѣнѣ.

(Письмо изъ Вѣны).

Выставка картинъ современной русской живописи, устроенная А. И. Филипповымъ въ вѣнскомъ «Secession»ѣ, привлекла живѣйшее вниманіе не только художественныхъ круговъ, но и самыхъ широкихъ слоевъ публики. На открытіи выставки, обставленной съ торжественностью рѣдкой даже для Вѣны, гдѣ такъ любятъ пышность и блескъ, отмѣчалось серьезное культурное значеніе, какое должна имѣть настоящая выставка. Въ своемъ привѣтственномъ словѣ австрійскій министръ народнаго просвѣщенія г. Мархетъ съ особенной настойчивостью подчеркнул то обстоятельство, что настоящая выставка является первымъ коллективнымъ выступленіемъ русскихъ художниковъ на почвѣ австрійской столицы. До сихъ поръ были небольшія отдѣльныя выступленія русскихъ художниковъ—Верещагина, Сомова, Борисова, но, какъ определенное теченіе, русская живопись здѣсь никогда еще представлена не была. Первый шагъ сдѣланъ только теперь и удача этого шага, превысившая самую смѣлую предположенія устроителя выставки, является краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшаго болѣе полного и систематическаго ознакомленія Запада съ русскимъ искусствомъ.

Въ высшей степени интересны отзывы вѣнской художественной критики о настоящей выставкѣ. Всѣ они ищутъ въ русскихъ художникахъ, прежде всего, ихъ національную индивидуальность, и чѣмъ

больше сказывается въ картинахъ національный колоритъ, тѣмъ больше вырастаетъ интересъ къ нимъ художественной критики.

«На насъ повѣяло какою-то «варварской свѣжестью»—говоритъ критикъ «FremdenBlatt'a»—чѣмъ то новымъ, мощнымъ, захватывающимъ вѣтъ отъ этихъ полотнъ молодыхъ національных романтиковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ европейское искусство вторглись японцы. Теперь передъ нами новый фактъ—торжественное вторженіе молодыхъ русскихъ силъ. Русскіе приходятъ къ намъ, чтобы учиться у насъ, но ни они, ни мы сами не замѣчаемъ, что учиться начинаемъ мы у нихъ.

Неисчерпаемый творческій фондъ русскихъ явится фондомъ и для насъ. Душа изысканнаго и утомленнаго европейца жаждетъ той «варварской свѣжести», той дикой свободы, которая вѣтъ на насъ съ славянскаго востока. То, что теперь пишутъ русскіе—это ихъ сегодня. То, о чемъ они грезятъ на своихъ полотнахъ—это не только ихъ, но и наше—завтра... И какъ все время двойтся впечатлѣніе: съ одной стороны съ полотнъ русскихъ художниковъ на насъ смотритъ Парижъ, новѣйшій Западъ, съ другой—мы въ старой Москвѣ, и не только въ Москвѣ, но и на берегахъ Днѣпра, у славянъ, едва выступающихъ на историческую арену. Какимъ высокимъ романтизмомъ вѣтъ отъ послѣднихъ полотнъ. Какой интересный «національный романтикъ» передъ нами въ лицѣ Рериха»!..

Большимъ успѣхомъ пользуются на выставкѣ пейзажи А. Васнецова, портреты Сѣрова и Кустодіева. Живѣйшій интересъ и оживленные споры въ публикѣ возбудила группа «крайнихъ лѣвыхъ»—Миллюти, Анисфельдъ, Якуловъ, Сапуновъ, Феофилактовъ. Даже тѣ, кто относится къ этому теченію мало-сочувственно, не могутъ отрицать серьезнаго таланта у нѣкоторыхъ художниковъ этой группы.

Настоящая выставка возбудила серьезный интересъ и за предѣлами Вѣны. Особенно интересуются выставкой въ славянскихъ кругахъ. Еще до открытія выставки въ вѣнскомъ «Secession'ѣ съ устройте-лемъ выставки, А. И. Филипповымъ, открыты были переговоры о перенесеніи ея въ Прагу.

Присутствіе на открытіи выставки посланниковъ балканскихъ государствъ явилось актомъ не только официальной вѣжливости, но и приступомъ къ переговорамъ о дальнѣйшемъ турнѣ выставки по столицамъ балканскихъ государствъ. Вопросъ о перенесеніи выставки въ Прагу, повидимому, рѣшенъ окончательно въ благопріятномъ смыслѣ, что-же касается вопроса о турнѣ по балканскому полуострову, то ему, по всей вѣроятности, помѣшаютъ текущія политическія событія.

Ольгинъ.

За рубежомъ.

Въ Парижѣ, въ театрѣ Сарры Бернаръ, только-что поставлена и прошла съ большимъ успѣхомъ мелодрама изъ русской жизни подъ названіемъ «Бунтовщики» (Les Révoltés).

Въ смыслѣ вѣрности изображенія русской дѣйствительности въ революціонную эпоху (1905 годъ) драма Анри Кэна и Адениса сильно хромаетъ: но сдѣлана она умѣлыми руками двухъ присяжныхъ театральныхъ закройщиковъ, помѣстившихъ туда всевозможные clous, отъ бунта фабричныхъ рабочихъ и собранія заговорщиковъ до взрыва бомбъ включительно,—и французской публикѣ нравится.

Провинція.

Астрахань. Г-жа Астахова поставила въ свой бенефисъ «Мораль пани Дульской» Запольской.

Баку. Состоялся въ залѣ обществннаго собранія симфоническій концертъ подъ управленіемъ Р. Буллеріана. Въ концертѣ приняли участіе его сынъ, молодой скрипачъ Эдди Буллеріанъ, исполнившій концертъ для скрипки Чайковскаго. Въ программу, кромѣ того, входилъ Шуманъ и др. оркестровыя произведенія.

— Состоялся музыкальный вечеръ, посвященный А. Г. Рубинштейну и устроенный музыкальнымъ кружкомъ при реальномъ училищѣ. Въ концертѣ приняли участіе свободные художники: Е. Н. Гуть, С. Р. Кронгольдъ и В. С. Доброхотовъ.

Вильна. 17 ноября въ городскомъ залѣ состоялся третій абонементный, устраиваемый музыкальнымъ обществомъ концертъ профессора с.-петербургской консерваторіи В. Н. Дроздова.

Витебскъ. На 25-е ноября назначена первая гастроль В. Н. Ильнарской. Всѣхъ спектаклей съ ея участіемъ намѣчено 5.

Елисаветградъ. Прошелъ съ успѣхомъ концертъ Петровой-Званцевой и піаниста-композитора Миклашевскаго.

Калуга. (Отъ нашего корреспондента). 16 ноября состоялся концертъ А. Д. Вяльцевой, при участіи артистовъ русской оперы—баритона А. Е. Боброва, тенора А. Н. Кришкевича и солиста-скрипача Н. Б. Скоморовскаго. Публика не скупилась на выраженіе своихъ симпатій «несравненной», которой пришлось бисировать безконечное число разъ. Большихъ овацій удостоился также скрипачъ Скоморовскій. Сборъ около 1,200 рублей—для Калуги болѣе чѣмъ достаточный.

Дѣла мѣстнаго театра въ матеріальномъ отношеніи стоятъ на среднемъ уровнѣ. Изъ пьесъ, поставленныхъ за вторую половину октября и начала ноября, только «Вожди» прошли при полномъ сборѣ; «1001 ночь» дала сбору 420 рублей, «Измѣна»—380 руб.; остальные («Укрощеніе строптивой», «Клубъ самоубійць», «Дѣти», «Казнь»), въ среднемъ дали около 150 рублей на кругъ. Утренники посѣщаются усердно учащейся молодежью, для которой ставятся пьесы классическаго репертуара и обстановочныя пьесы.

Мы уже сообщали, что Калуга обзавелась тремя электро-театрами, отвлекающими публику отъ храма Мельпомены. Мѣстному антрепренеру волей-неволей приходится считаться съ этимъ. Онъ также устроилъ у себя кинематографъ, картинами котораго заканчивается теперь каждый спектакль. На сколько это нововведеніе повыситъ сборы—сказать трудно.

А. Семеновъ.

Кіевъ. По ходатайству антрепренера опереточной труппы Кубанскаго, кіевскимъ губернаторомъ разрѣшено временное проживание въ Кіевѣ въ теченіе театральнаго сезона 22 служащимъ въ опереткѣ евреямъ съ ограниченіемъ мѣста жительства раіонами Лыбедскаго и Плосскаго участковъ.

— Г. Павленковъ покончилъ на будущій сезонъ въ Кіевѣ къ г. Дувану на 700 руб. въ мѣсяцъ.

— Въ бенефисъ А. В. Токаревой шла въ первый разъ новая пьеса Л. Андреева «Дни нашей жизни».

— Въ Кіевѣ въ городскомъ театрѣ во время послѣдняго акта «Мазепы», когда на сценѣ появилась помѣшанная Марія, въ партерѣ поднялся молодой человѣкъ и съ криками бросился къ оркестру, пытаясь перескочить на сцену. Его задержали и... доставили въ Кирилловскую больницу.

— Юбилейная комиссія по празднованію (16 декабря) 35-лѣтней дѣятельности Е. Я. Недѣлина составлена изъ г-жъ: Пасхаловой, Юрьевой; гг.: Болковского, Дувана, Савинова и Смирнова.

Курскъ. (Отъ нашего корреспондента). За послѣднее время въ драматическомъ театрѣ А. Н. Чечневой прошли слѣдующія пьесы: «Анна Каренина» (2 раза), «Судебная ошпбка», «Ивановъ», «Сполохи» (2 раза), «Въ лѣсахъ Индіи» (3 раза), «Дѣти Ванюшина», «Листья шелестятъ», «Женитьба», «Жизнь падшей» (2 раза), «Дуракъ» (2 раза) «Идіотъ». Дѣло ведется добросовѣстно и серьезно. Много работаетъ режиссеръ А. И. Андреевъ.

Большой успѣхъ имѣетъ г-жа Македонская и гг. Пясецкій, Чечинъ и Успенскій (прекрасный комикъ). Изъ постановокъ слѣдуетъ отмѣтить «Сполохи» Тихонова, гдѣ очень красиво и поэтично поставленъ 3-й актъ (уголокъ сада).

Первый бенефисъ 25 ноября отданъ герою-любовнику Б. Пясецкому. Идутъ «Братья Карамазовы».

Въ текущемъ сезонѣ мѣстное общество любителей празднуетъ 25 лѣтъ своего существованія. По этому случаю общество намѣрено поставить народный спектакль. Къ постановкѣ намѣчены «Плоды просвѣщенія» Толстого.

И. Стрѣльскій.

Нижній-Новгородъ. Ближайшій репертуаръ городского театра слѣдующій: новая пьеса кн. Сумбатова «Вожди», «Ихъ четверо», «Христіанинъ» Кэна, «У царскихъ вратъ», «Донъ-Карлосъ», «Мужъ знаменитости».

Дальнѣйшій репертуаръ пока еще не опредѣленъ изъ-за ожидаемой со дня на день послѣдней новинки Л. Андреева «Любовь студента». Авторъ пьесы телеграфировалъ П. П. Медвѣдеву, что экземпляръ пьесы уже высланъ.

Николаевъ. Въ залѣ чайной столовой о-ва трезвости начались спектакли украинской труппы-любителей. Для начала поставили «Цыганку Азу».

Одесса. Андреевскіе «Дни нашей жизни» идутъ въ городскомъ театрѣ при полныхъ сборахъ.

— Багровъ ведетъ переговоры съ г. Лепковскимъ на будущій сезонъ. Г. Лепковский требуетъ 1000 р. въ мѣсяцъ.

— Послѣдній полумѣсяцъ далъ городскому театру 2000 р. дефицита.

— Артистка Маслова открываетъ въ Одессѣ курсы декламации и дикціи.

— Гастроли Фигнера въ Сибиряковскомъ театрѣ закончились «Тоской».

— М. Ф. Багровъ по соглашенію со всѣми бенефициантами назначилъ на всѣ бенефисы цѣны драматическія обыкновенныя, по которымъ полный сборъ достигаетъ 1600 р.

Рига. Репертуаръ городского театра за послѣднюю недѣлю: «Сполохи», «Любовь на стражѣ», «Каширская сторона» и «Анна Каренина».

— Артистка гор. театра Е. Е. Петипа для своего бенефиса поставила комедію Прево «Полудѣвы».

Рязань. Рецензія изъ «Рязанскаго Вѣстника»: «Концертъ, данный г. Завадскимъ 13 ноября въ залѣ Благороднаго собранія, прошелъ съ значительнымъ успѣхомъ. Прекрасно выдрессированный хоръ, состоящій изъ тщательно подобранныхъ голосовъ» и т. д.

Продолжая терминологию рецензента «Р. В.», остается отмѣтить:

— Плохо натасканъ!

Саратовъ. Сборы у малороссовъ въ театрѣ Очкина за послѣднее время замѣтно поднялись. Поставленная пьеса «За вѣру и правду» прошла при переполненномъ театрѣ и затѣмъ была повторена. Въ пятницу, 14 ноября, театръ также былъ почти полонъ и переложенная изъ повѣсти Н. В. Гоголя оперетта «Вій»—прошла съ шумнымъ успѣхомъ.

Смоленскъ. (Отъ нашего корреспондента). Послѣ скучныхъ спектаклей въ «народномъ домѣ» драматической труппы Н. П. Мерянова, являющагося съ 19 октября продолжателемъ скоро «отцвѣтшей» антрепризы послѣдняго зимняго сезона г-жи Колицкой, въ залѣ благороднаго собранія дали шесть спектаклей бр. Рафаилъ и Робертъ Л. Адельгеймъ. Съ 8 по 13 ноября—слѣдующія пьесы: «Король», «Трильби» Ге, «Король» Юшкевича, «Разбойники» Шиллера, «Кинъ» и «Гамлетъ».

Эти шесть дней для смолянъ были по-истинѣ праздникомъ искусства. Талантливые гастролеры еще разъ дали возможность пережить зрителю не мало вдохновенныхъ минутъ, приковавъ къ сценѣ своими яркими и красивыми образами. Викентій (Раф. Ад.) и Годуа (Роб. Ад.) изъ «Казни», Свенгали (Раф.) изъ «Трильби», Карлъ (Роб. Ад.), Францъ (Раф.) изъ «Разбойниковъ» и «Кинъ» (Роб. Ад.) все это могучіе, сильные образы, данные гг. Адельгеймами съ обычной для нихъ красотой и пластикой. Въ особенности они хороши и выразительны были: въ «Кинѣ» Роб. Ад., давшій яркій, филигранный образъ гениальнаго «чудака», полный величія и неотразимой прелести и въ «Трильби», Раф. Ад., неподражаемо нарисовавшій образъ Свенгали.

Талантливо, вдумчиво и красиво, отвѣчая художественной игрѣ бр. Ад. вела свои роли Трильби и Кеттъ въ «Казни», артистка Чаруская, новая артистическая сила въ ихъ труппѣ. Слабѣе она была въ роли Амаліи «Разбойники». Артистка недостаточно проявила трагизмъ этой красиво любящей и страдающей женщины, давъ шаблонный, не шиллеровскій типъ.

Успѣхъ гастролеровъ былъ шумный и вполне заслуженный, какъ съ матеріальной, такъ и художественной стороны. Сборы—выше средняго.

Характерно, что нашъ городъ имѣетъ одну «зоологическую» особенность, это «влеченье—родъ недуга» къ цирку, въ особенности къ борьбѣ. Театръ-же у смолянъ стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ. Если такія силы, какъ бр. Адельгеймъ брали сборы только «выше средняго», то что-же говорить

объ остальныхъ, исключая развѣ Коммиссаржевскую, пользующуюся также исключительнымъ успѣхомъ. Хотя оговорюсь еще относительно концертовъ, которые также охотно посѣщаются.

Нѣсколько словъ о труппѣ «народнаго дома». По истинѣ жалкое существованіе влачитъ она. «Дирекція» предпринимаетъ все, чтобы поправить дѣла: кромѣ обычныхъ спектаклей въ «народномъ домѣ» 3—4 раза въ недѣлю, г. Меряновъ, по соглашенію съ администраціей «общественнаго» и «благороднаго» собраній, даетъ отъ времени до времени «семейные» спектакли въ названныхъ клубахъ, гдѣ къ услугамъ гг. «членовъ» и ихъ семействъ онъ преподноситъ «Смоленскую гетеру», «Клятвопреступникъ» и т. п. прелести «современнаго» (?) репертуара. Кромѣ того одно время въ «народномъ домѣ» по субботамъ практиковались танцевальные вечера. Но все это не спасало дѣла отъ краха. Сборы сошли почти на нѣтъ. Театръ совсѣмъ пустуетъ. Мѣстная газета «См. В.» по поводу постановки при пустомъ залѣ пьесы «Ихъ четверо» удачно иронируетъ:

«Четверо на сценѣ, четверо въ театрѣ, итого восемь человекъ! Жить можно!»

Откладывая до слѣдующаго раза болѣе подробное описаніе «причинъ и слѣдствій» театральнаго «абсентеизма», скажу только, что изъ репертуара театра за нынѣшній сезонъ отчасти понятно будетъ, почему пустуетъ театръ. Шли: «Соколы и Вороны», «Ванька-ключникъ», «Жидовка», «Сестра Тереза», «Пріютъ Магдалины», «Двѣ сиротки», «Казенная квартира», «Фальшивомонетчикъ», «Стѣны», «Смоленская гетера», «Московская газета», «Жена на прокатъ» «Трильби» и т. д.

Какъ видитъ читатель, въ этомъ далеко не полномъ въ этомъ-же духѣ списокѣ, нѣтъ ни пьесъ Ибсена, ни Метерлинка, ни Пшибышевскаго, ни другихъ художественныхъ новинокъ...

Немудрено, что «дирекцію» не выручаютъ даже танцевальные вечера и «семейные спектакли»...

С. Т—нъ.

Тамбовъ. 16-го состоялся концертъ артиста Д. А. Смирнова (теноръ), Л. Н. Лукьянова (сопрано), Н. Н. Соколова (баритонъ) и М. И. Багри (піанистъ).

Тифлисъ. Въ минувшую недѣлю армянской труппой были поставлены: «М-ле Фифи» и «Ради счастья» Пшибышевскаго.

Харьковъ. Въ бенефисъ г-жи Янушевой въ гор. театрѣ шла драма Батайля «Обнаженная».

— Къ новому арендатору опернаго театра въ Харьковѣ г. Харюкову, обратились студенты технологическаго института съ предложеніемъ устроить въ пользу нуждающихся студентовъ оперный спектакль.

Г. Харюковъ предложилъ имъ слѣдующія условія: 1000 руб. за спектакль, 350 р. за вѣшалку и марки, 75 р. за право устроить танцы, 50 р. за электричество и 50 р. за право имѣть буфетъ, итого 1525 руб.

Кромѣ того г. Харюковъ заявилъ студентамъ, что выборъ оперы для спектакля зависитъ отъ него и что студенческий спектакль онъ можетъ устроить только въ понедѣльникъ.

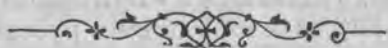
Къ устроителямъ армянско-грузинскаго вечера г. Харюковъ былъ немного милостивѣе: онъ взялъ 1000 руб. за спектакль и 187 руб. за вѣшалку.

Еще ни одинъ антрепренеръ въ Харьковѣ не ставилъ такихъ условій для благотворительныхъ, а тѣмъ болѣе для студенческихъ спектаклей и вечеровъ.

— Возобновленный въ городскомъ театрѣ труппой Соколовскаго «Лѣсъ», прошелъ съ успѣхомъ, при полномъ сборѣ.

Херсонъ. Состоялся концертъ Л. С. Ауэра.

Ярославль. Благодаря обществу пѣнія, ярославская публика за послѣднее время имѣла возможность ознакомиться съ цѣлымъ рядомъ оперъ, являющихся для Ярославля новинками. Такъ, ярославцы, по сообщ. «Яр. Отголосковъ», не безъ удовольствія прослушали въ исполненіи вполне удовлетворительнаго «Снѣгурочку» и «Псковитянку» Римскаго-Корсакова, «Лакмэ» Делиба, а также оперы, идущія въ настоящее время: «Моцартъ и Сальери»—Римскаго-Корсакова, «Елку» Ребикова и «Сына мандарина» Цезаря Кюи. Всѣ онѣ идутъ довольно живо и съ хорошимъ ансамблемъ.

Редакторы-издатели { Л. Г. Мунштейнъ (Solo),
Э. М. Бескинъ.

ЛЕКЦІИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВУ ПРИ КУРСАХ ДРАМЫ,

основ. арт. Худож. театра А. И. Адашевым (опыт Академіи искусств).

Систем. 2-хгодичн. курсы энциклопедіи и искусств: исторія вѣщн. культ., исторія искусств: архитектур., живоп., скульпт., музыки и театра, исторія литерат., психологія, эстетика.

Лекціи Л. С. Бакста, А. Н. Бенуа, А. А. Блока, А. Л. Волынского, О. О. Горностаева, Сергія Глаголя, С. В. Ноаковского, Вл. И. Немировича-Данченко, Н. К. Рериха, Викт. Стражева, Н. Г. Тарасова, С. К. Шамбинаго и др.

Спеціальныя „КУРСЫ ДРАМЫ“, преподаватели артисты моск. Худож. театра. Контора открыта. ✱

Подробныя условія: Москва, Б. Тверская, д. № 18, Езерскаго.

ВСѢ НОВѢЙШІЕ МОДНЫЕ ДУХИ

ФРАНЦУЗСКІЕ, АНГЛІЙСКІЕ, АМЕРИКАНСКІЕ, НѢМЕЦКІЕ И РУССКІЕ.

ОДЕКОЛОНЫ, ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ, ГРИММЪ ДЛЯ ТЕАТРА ПУДРА, КРЕМЫ И ВОДЫ INSTITUS de BEAUTÉ ВЪ ПАРИЖѢ.

ТУАЛЕТНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: ЩЕТКИ, ГРЕБНИ. ПУДРЕНИЦЫ И ПР.

ПРИ АПТЕКАРСКОМЪ МАГАЗИНѢ МОСКОВСК. АКЦІОНЕРН. ОБЩЕСТВА

К. ЭРМАНСЪ И К^О.

ТВЕРСКАЯ, УГОЛЬ ГАЗЕТНАГО ПЕРЕУЛКА, ДОМЪ ФАЛЬЦЪ-ФЕЙНА.

ВСТРѢЧА СЪ АРТИСТАМИ ВЪ ПОГРЕБѢ

Е. И. Теръ-Арутюнова

преемн. Г. А. АВТАНДИЛОВЪ.

До 2-хъ часовъ ночи въ изяшно устроенномъ при погребѣ на Тверской помѣщеніи «бель-этажѣ» можно получать шашлыки, приготовляемые специалистами.

ВИНА ПОДАЮТСЯ ПО ЦѢНАМЪ МОЕЙ ВИНОТОРГОВЛИ БЕЗЪ ПРИБАВКИ.

Ежедневно партія КАРАЧАЕВСКИХЪ БАРАШКОВЪ со ст. Минеральныя воды.

Тверская, уг. Газетнаго пер., д. Толмачева.

ПЬЯНСТВО И ЗАПОЙ

МОЖНО ИЗЛЕЧИТЬ СЕКРЕТНЫМЪ СПОСОБОМЪ.

Каждая жена, сестра, мать можетъ излечить совершенно самостоятельно у себя дома пьющаго—секретнымъ способомъ, совершенно безъ его вѣдома.

Пусть не страдаетъ болѣе жена, она не должна быть въ отчаяніи. Само вѣрное средство для быстрого излеченія отъ пьянства уже изобрѣтено.

Это есть „СИР ОНЪ“. Средство это не имѣетъ никакого запаха, никакого вкуса. Стоитъ только немного опустить въ чашку чая или кофе пьющаго или даже въ его нину и онъ никогда не почувствуетъ присутствія этого средства и скоро выздоровѣетъ, не зная о причинѣ и удивляясь, почему онъ потерялъ страсть къ крѣпкимъ напиткамъ.

Страсть ко всякимъ крѣпкимъ напиткамъ проходитъ окончательно, и больной не только питаетъ отвращеніе къ самому лучшему вину, но даже запаху вина.

Жизненная способность, которую онъ отъ пьянства потерялъ снова появляется. Сила, здоровье, хорошее расположеніе духа опять овладѣваетъ имъ. Самые отчаянные пьяницы вытѣив. въ 20—30 дней.

Цѣна за коробку, которая достаточна для леченія въ теченіе 30 дней, стоитъ только 5 руб. Высылается по полученіи денегъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ расходовъ. Въ случаѣ желанія получить средство наложеннымъ платежомъ, слѣдуетъ выслать 5 семикоп. марокъ на почтовые расходы. АДРЕСЪ: Депо СІРІОНЪ, Ч. Г. Ласней, С. ПЕТЕРБУРГЪ, Почт. ящикъ № 353 18.

ТѢСТО И СИРОПЪ НАФЕ

ДЕЛАНГРЕНЬЕ

Pâte et Sirop de Nafé Delangrenier

Самыя пріятныя

грудныя средства

Требовать настоящее

клеимо Delangrenier

PARIS

19, rue des Saints-Pères, въ Парижѣ и въ аптекахъ

ОТСУТСТВІЕ, ДОРОГОВИЗНА И НЕУДОБСТВО

КВАРТИРЪ

ВЪ МОСКВѢ

и наступ. кварт. кризисъ, подсказываютъ кажд. устроиться вблизи Москвы собств. дом. По-„НОВОГИРЕЕВО“ наход. всего село въ 20 мин. ѣзды, по Нижегород. ж. д. и имѣя всѣ удобства, необход. культ. челоѣку, представляетъ лучш. мѣсто для жизни кругл. годъ. Соб. тепл. платформа; водопроводъ съ превосход. водой; электрич. освѣщеніе на ул.; торц. мостовыя; конна; собств. охрана; телеф. подстанц. съ Москвой; лавки; аптек. магаз.; врачи. Уже жив. около 1000 чел.

Допускается особая банковская разсрочка платежей. Узнать: 1) на мѣстѣ, въ конт. поселка, тел. 121-83; 2) конт. пот. Жеребкова, д. Метрополь, тел. 143-38 и 3) Петровскій пасс. № 22, съ Негл., конт. Гейслеръ, тел. 71-87. Удобный поѣздъ изъ Москвы въ 1 ч. дня для осмотра.

„ШУТЫ“

комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Замокса, въ стихотворномъ переводѣ Lolo (Л. Мунштейна). Репер. театра Корша.

Цѣна 1 руб.

Продается въ редакціи „Рампа“.

ВПЕРЕДИ ВСѢХЪ

ПАПИРОСЫ

„ДЮШЕСЬ“

20 шт. 6 к.

Т. ЛАФЕРМЪ

ВАРШАВСКАЯ модная мастерская М. А. СОБОЦИНСКОЙ.

Петровка, д. Савостьянова, кв. 30.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ

на всевозможныя дамскіе костюмы платья и наряды по послѣднимъ

ПАРИЖСКИМЪ ФАСОНАМЪ.

Исполненіе скорое, изящное и аккуратное по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ КНИГА

О ГЛУХОТѢ

БЕЗПЛАТНО.

Съ этими строками я обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ, кто страдаетъ тугоухостью, глухотою или шумомъ въ ушахъ. Въ этой области я специалистъ и, послѣ многихъ трудовъ и серьезнаго изученія, написалъ книгу, одинъ экземпляръ которой высылаю каждому желающему бесплатно и на мой счетъ.

Эта книга явится желанной гостьей для всѣхъ тѣхъ, которые страдаютъ тѣмъ или инымъ разстройствомъ органа слуха, она научитъ ихъ способамъ, благодаря которымъ современная наука даетъ возможность каждому въ теченіе нѣсколькихъ недѣль излечиться домашнимъ образомъ, не затрачивая значительныхъ средствъ на вознагражденіе врачей-специалистовъ.

Выпишите предлагаемую книгу немедленно, для чего достаточно написать открытое письмо (4 коп.) со своимъ адресомъ.

PROF. G. KEITH-HARVEY, London, England 117 Holborn. 1135.

Проф. Г. Китъ-Гарвей, Лондонъ, Англія 117 Гольборнъ. 1135

Новое!

Небывалое!

для полученія чашки отборнаго кофе достаточно влить 1 ложечку

КОФЕЙНАГО ЭКСТРАКТА

(сгущенный жидкій кофе)

„EXTRAIT DE MOSSA“

Торговаго Дома **ЕВГЕНІЙ ВИДИГЕРЪ и К^о**

Варшава, Іерусалимская. 20.

Продуктъ удостоенъ привилегіи Министерства Торговли и Промышленности и утвержденъ Врачебнымъ Управленіемъ.

ИЗБѢГАЙТЕ ПОДДѢЛОКЪ!

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!

САМЫЙ

КОЛОСАЛЬНЫЙ в Россіи
СКЛАДЪ **ОРУЖІЯ**

А.БИТКОВА.

Въ Москвѣ, Б. Лубянка 20. Жигегор. Ярм. шоссе.

БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЕТ НЕБЫВАЛО РОСКОШНУЮ И ПОЛНѢЙШУЮ РАСЦѢНКУ ОРУЖІЯ НА 1908 и 1909-й ГОД СОДЕРЖАЩУЮ В СЕБѢ ВСЕ ЧТО ЕСТЬ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТѢ ИЗ САМЫХ ПЕРВОКЛАС. ПОЗДНѢЙШИХ И ЛУЧШИХ МОДЕЛЕЙ ОХОТНИЧЬЯГО ОРУЖІЯ. ЦѢНЫ ВНѢ

Выбор ружей огромный на цѣну от 5 и до 1000 руб. КОНКУРЕНЦІИ.

КОРСЕТЫ

М-МЕ БОНИ.

МОСКВА, СТОЛЕШНИКОВЪ ПЕР., ДОМЪ ЯКОРЬ. ТЕЛЕФОНЪ 57-87.

ТОЛЬКО НОВѢЙШІЕ ФАСОНЫ ПО ПОСЛѢДНИМЪ МОДЕЛЯМЪ.

НОВОСТЬ: КОРСЕТЪ „**CACHE-VENTRE**“

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩІЙ ТРИКО.

КОРСЕТЫ СОБСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ ОТЪ 10 РУБ.

„ПАРИЖСКОЕ АТЕЛЬЕ“.

Москва, Петровка, д. Коровина. 1-й подъездъ.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ГГ. АРТИСТОКЪ

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ,

ШАПКИ,

МУФТЫ

по послѣднимъ парижскимъ моделямъ въ огромномъ выборѣ

ПО САМЫМЪ КРАЙНИМЪ ЦѢНАМЪ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

СТРАУСОВЫХЪ ПЕРЬЕВЪ

и БОА.

Гг. артистки московскихъ и провинціальныхъ театровъ пользуются большой скидкой.

ЛУЧШІЙ
ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

ПРЕВОСХОДНЫЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ
И ДЕШЕВЫЕ ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ

ВСѢХЪ ЦВѢТОЧНЫХЪ

И МОДНЫХЪ ЗАПАХОВЪ

„Синяя Мышь“.

Комедія-фарсъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ
Энгеля и Хорста. Пер. Э. Маттерна.

Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывать можно изъ конторы
журнала „Рампа“.

МУЗЫКА.

Драма въ 4 дѣйствіяхъ, Франка
Ведекинда. Переводъ Э. Бескина.

Къ представленію дозволена 10 мая
1908 г. за № 4720. Съ требованіями
обращаться: Москва, Тверская,
д. Бахрушина, кв. 17, Э. М. Бес-
кину.